

Вячеслав Каликинский

АГАСФЕР

Детектив с историей (1С)

Вячеслав Каликинский
Агасфер. Старьевщик

«1С-Публишинг»

2020

Каликинский В. А.

Агасфер. Старьевщик / В. А. Каликинский — «1С-Паблишинг», 2020 — (Детектив с историей (1С))

Вячеслав Александрович Каликинский — журналист и прозаик, автор исторических романов, член Союза писателей России. Серия книг «Агасфер» — это пять увлекательных шпионских ретродетективов, посвящённых работе контрразведки России в конце XIX — начале XX века. Главный герой известен читателям и слушателям по роману «Посол». Михаил Берг, бывший блестящий офицер. Он заступился за друга, японского посла, стал из-за этого калекой, оказался в розыске и долго скрывался в стенах монастыря. И вот наконец-то находит себе дело. Он становится у истоков контрразведки России и с командой единомышленников противодействует агентуре западных стран и Японии. Многие герои романа «Старьевщик», открывающего серию, — реальные исторические личности. Итак, читайте первую книгу серии «Агасфер».

© Каликинский В. А., 2020

© 1С-Паблишинг, 2020

Содержание

ОТ АВТОРА	5
ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	8
ПРОЛОГ	8
ГЛАВА ПЕРВАЯ	13
ГЛАВА ВТОРАЯ	21
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	30
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	36
ГЛАВА ПЯТАЯ	49
ГЛАВА ШЕСТАЯ	61
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	69
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Вячеслав Каликинский. Проект «Агасфер». Старьевщик. Роман

ОТ АВТОРА

Практически все герои романа «Старьевщик» – реальные люди, стоявшие у истоков создания контрразведки в России. Один лишь Михаил Берг, прозванный Агасфером, – образ собирательный. Именно он помог мне собрать «команду» патриотов России, пытающихся препятствовать разгулу разведчиков Германии, ШШ, Японии на рубеже XIX–XX веков, а также показать и тех, кто продавал военные секреты России оптом и в розницу.

Автор позволил себе несколько нарушить в некоторых местах хронологию событий...

ПРЕДИСЛОВИЕ

...Гудок паровой машины словно переключил время с тяжелого ожидания на непостижимую воображением быстроту. С первым его аккордом Асикага вырвал меч из ножен и без замаха нанес Бергу рубящий удар слева, в горизонтальной плоскости. Катана ударила по основанию сабли, которую Берг держал обеими руками, – удар был настолько мощным, что острие меча коснулось шеи офицера.

Берг уже видел, как тяжелый клинок, словно вопреки физическим законам, остановился у его лица и тут же стал возноситься вверх для завершающего удара. Какой-то первобытный инстинкт бросил молодого офицера под ноги противника в то самое мгновение, когда сердито жужжащий меч распорол воздух у него за спиной.

Перекатившись вперед, Берг вскочил, с отчаянием констатируя, что противник намного быстрее его. Асикага, по-кошачьи извернувшись, уже почти нанес завершающий удар. Клинок летел к левому боку молодого офицера.

Берг одной рукой попытался защититься – с таким же успехом он мог бы подставить под тяжелый меч легкую тросточку. Катана легко отбросила сабельный клинок, ударив по левой руке Берга, но одновременно сам Асикага получил страшный и неожиданный для него удар крылом семафора, мимо которого в тот момент промчался поезд.

Тело японца с наполовину оторванной головой и сучащими ногами было отброшено на самый край крыши вагона, перекатилось пару раз по инерции и свалилось вниз. Все было кончено. А поезд продолжал мчаться вперед. Он остановился позже, когда кровь из ран Берга залила окно вагона и перепугала пассажиров...

* * *

Потеряв сознание, Берг не слышал, как некий доктор из Варшавы, случившийся в соседнем вагоне, сердито распекал железнодорожный персонал за медлительность. Бегло осмотрев раненого, он потребовал как можно быстрее доставить офицера в больничный стационар. Властный тон доктора оказал на старшего кондуктора магическое действие: он распорядился перенести носилки с раненым в угольный тендер локомотива. Туда же забрался со своим саквояжем и доктор, а кондуктор, приказав машинисту отцепить вагоны, поместился с зажженным красным фонарем на крохотной площадке над передней решеткой паровоза.

Опясавшись тучей пара, локомотив тронулся с места. Кондуктор знал, что они на «зеленой улице», однако из предосторожности поминутно размахивал красным фонарем и, перегнувшись, грозил машинисту кулаком: сигнал, сигнал подавай! Локомотив на предельной скорости мчался к Варшаве и ревел почти беспрерывно.

* * *

На крыльце стоял господин в черной визитке, с аккуратной бородкой. Он прикоснулся двумя пальцами к венскому котелку и шаркнул ногой:

Позвольте рекомендоваться: доктор Шлейзер из Варшавы! Предупреждая ненужные вопросы, я сразу и категорически заявляю вам, сударь, что не ишу практики или пациентов.

– Тогда что вам угодно?

– Говорит ли вам что-либо имя Михаила фон Берга, сударь?

– Мишеля? – Хозяин невольно поглядел по сторонам, шагнул к посетителю. – Да, разумеется – это жених моей дочери... Прошу вас, проходите, доктор.

– Слушайте меня внимательно, сударь! Господин фон Берг, которого вы уже завтра, возможно, откажетесь признавать женихом вашей дочери, попал в большие неприятности. Спасибо Иисусу – при монастыре сестер-бенедиктинок, куда я его отвез, есть приют для престарелых и убогих и вполне компетентный персонал сестер милосердия и даже два доктора, ушедшие от мира. Там я произвел единственно возможное, на мой взгляд, медицинское действие – ампутировал молодому человеку и без того почти что отрубленную руку и по прошествии двух дней оставил его на попечение этих самых бенедектинок.

* * *

Пароход сипло рывкнул, и капитан с мостика прокричал в блестящий рупор команду матросам. Дамы на палубе и на причале махали друг другу платками, мужчины салютовали более сдержанно – притрагивались пальцами к шляпам, приподнимали их, покашливали, прогоняя из горла невесть откуда взявшийся комок.

В растущую щель между корпусом судна и причалом с корабля полетели монеты. Почти все отъезжающие пассажиры непременно желали вернуться сюда!

Эномото стоял у левого борта, крепко держась за леер. Он точно знал, что в карманах его вице-адмиральского мундира нет ни одной монеты: накануне он отдавал мундир гостиничной обслуге в чистку. И вдруг он вспомнил!

– Мамочка, погляди, что дяденька военный делает! – громко зашептал мальчишка на палубе по соседству.

А Эномото торопливо рвал крючки и пуговицы мундира. Справившись с ними, он поспешно снял с шеи цепочку, на которой висела золотая монета, подаренная ему русским царем Александром на Монетном дворе Петропавловской крепости. Миг – и монета вместе с цепочкой, блеснув на солнце, полетела в серые волны залива Петра Великого...

...Но первому в истории дипломатических контактов двух стран Чрезвычайному и Полномочному посланнику не суждено было вернуться в Россию. Жалел ли он об этом?

Кто, кроме него, знает это?..

И вот прошло 20 лет...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОЛОГ

Сознание возвращалось медленно, словно через силу. Звуки и свет давили на нервы какими-то неровными толчками. Серая муть ненадолго сменялась яркими короткими картинками – чтобы тут же заволочь все на свете глухой вязкостью небытия.

Яснее всего ощущался холод – причем холоднее всего было рукам, лежащим на гладкой отполированной плите – то ли из камня, то ли металлической. Он попробовал открыть глаза и почувствовал на лице плотную повязку. Попробовал снять ее – и не смог: руки оказались плотно примотанными к этой холодной плите. Попробовал пошевелиться – и тоже не смог: в тело врезались ремни, которыми его предусмотрительно привязали к стулу.

Последний отчаянный рывок Агасфера словно окончательно включил его слух. Он различил чьи-то шаги неподалеку, покашливание, невнятное бормотание. Потом кто-то, не слышном церемонясь, сорвал с его глаз повязку, и Агасфер зажмурился от слишком яркого, как ему показалось, света электрической лампы, свисавшей откуда-то с терявшегося в темноте потолка. Он поморгал, и предметы, находившиеся в поле его зрения, начали обретать четкость.

Его руки – здоровая и культя со снятым протезом – были действительно привязаны к металлической плите, прямо под массивной рамой какого-то станка. Сбоку от основания этого станка виднелось мощное колесо-маховик.

Снова послышались шаги, и по другую сторону станка показались лица двух людей, внимательно разглядывающих своего пленника. Одно лицо было явно знакомым – только Агасфер, еще не полностью вынырнувший из беспомощности, никак не мог вспомнить – кто это? Второе лицо, показавшееся ему добрым, было совершенно незнакомым.

– Доктор, вы уверены, что наш гость пришел в себя? Что он слышит нас, видит и полностью отдает отчет происходящему?

– Незнакомец с добрым лицом обошел станок, к которому был привязан Агасфер, профессионально проверил его пульс, оттянул нижние веки и отступил куда-то в сторону.

– Да, господин капитан, он полностью пришел в себя – насколько это, конечно, возможно после процедуры, которой он был подвергнут. Мне кажется, от него все еще пахнет эфиром...

– Прекрасно! Мориц, плесните-ка ему в лицо водой! Потом дайте ему попить – я слышал, что после эфира людей мучит жажда...

Еще один человек, до сих пор неслышно стоявший за спиной Агасфера, выступил вперед и выплеснул ему в лицо с полведра холодной воды. Потом, звякнув чем-то, поднес к губам пленника кружку.

Только теперь Агасфер почувствовал, что действительно страшно хочет пить, что во рту у него сухо настолько, что язык буквально царапает небо. Он с жадностью припал к кружке.

– Достаточно, Мориц! Мы все же не из общества сестер милосердия! – раздался тот же насмешливый знакомый голос.

Теперь Агасфер узнал его. Капитан Гедеке! Он ехал вместе с ним в международном вагоне поезда Вена – Берлин – Петербург.

– Значит, очухались, господин Ковач? Очухались и, судя по выражению вашего лица, вспомнили меня. Прекрасно! Дайте ему еще воды, Мориц! Я желаю, чтобы наш гость полностью осознал ситуацию, в которой оказался! Знаете, что это за станок, к которому вы привязаны, Ковач? Нет? О-о, а вот наши русские друзья-нелегалы из социал-демократов моментально дали бы правильный ответ! Это типографский станок-гильотина, с помощью которого

обрезают края книг, пачки листовок. И не только, Ковач, не только! Мориц, раскрутите-ка маховик как следует! И подайте мне вон тот кусок доски!

Молчаливый Мориц выступил вперед, взялся за рукоять маховика, и огромное колесо пришло в движение – сначала медленно, потом все ускоряя и ускоряя ход.

Доктор с добрым лицом откашлялся и подал голос:

– Господин Гедеке, я прошу освободить меня от этого зрелища! Позвольте мне уйти! Если желаете, я буду где-нибудь неподалеку...

– Оставайтесь на месте, доктор! – прикрикнул на него Гедеке. – Лучше приготовьте свои инструменты и медикаменты – «пациенту» вскоре понадобятся ваши профессиональные услуги!

– Что вам нужно от меня, Гедеке? – подал наконец голос и Агасфер. Подал – и удивился – это было какое-то хрипкое карканье.

Гедеке рассмеялся:

– Что мне нужно? Неужели вы столь наивны, Ковач? Мне нужна информация! Мне нужны честные ответы на вопросы, которые я вам буду задавать! Но имейте терпение, Ковач! Прежде я хочу продемонстрировать вам в действии свой главный «аргумент»! Довольно крутить, Мориц... Теперь доска! Да, и отодвинь пока руки нашего гостя подальше от рамы! Смотрите, Ковач!

Гедеке положил на то место, где только что лежали руки пленника, доску, взялся за рычаг на раме и двинул его вниз. Тотчас из верхней части рамы выдвинулось остро заточенное лезвие резака-гильотины. Оно плавно опустилось вниз, без всяких усилий перерубило полуторадую-мовую доску и, чуть подергиваясь, словно нечто живое и уже сытое, снова ушло в паз. Во время этой демонстрации маховик, приводивший гильотину в движение, лишь скрипнул и немного замедлил ход.

Даже в полумраке Агасфер смог заметить, как доктор побледнел и схватился за горло.

– Итак, Ковач, вы все видели. Состоится ли наша беседа? Кивните головой, если да. Ага, моя аргументация показалась вам убедительной, я вижу! Мориц, уберите со станка обломки дерева и верните на место здоровую руку нашего гостя! Дайте ему еще воды.

Гедеке придвинул свой стул поближе, раскурил сигару.

– Вы попали в поле зрения специальной службы Австро-Венгерского Главного штаба, едва успев поселиться у полковника Архипова в Петербурге, Ковач. Знаете, мы очень плотно сотрудничаем с германскими коллегами из разведцентра. Да и не только с ними – с британцами, румынами, итальянцами, даже с японцами. Общий враг у нас один, и вам не составит труда угадать, что это Россия! Вы наверняка знаете, Ковач, что дом полковника Архипова – это гнездовье будущей русской контрразведки. К сожалению, у чиновников, проводивших первичную проверку, ваша персона поначалу интереса не вызвала. Однако время показало, что вы необычайно опасный для своих врагов человек. И теперь мы многое о вас знаем. Многое, но не все. Остаются пробелы, которые мы с вами постараемся восполнить в ходе нашего диалога. Вам понятно? Моя задача – получить ответы на интересующие вопросы. Ваша – попытаться сохранить в целостности вашу вторую руку. И в конечном итоге – возможно, жизнь. Мориц, будьте добры, стакан мадеры мне и доктору! Мне кажется, ему скоро понадобится...

Гедеке подождал, пока молчаливый помощник принес вино, отхлебнул немного и одобрительно покачал головой.

– Итак, для начала – ваше настоящее имя, Ковач!

– Михаил фон Берг.

– Вы в прошлом русский офицер?

– Да... Гвардеец.

– Как вы попали в монастырь паулинов в Ясной Гуре?

– У меня состоялся поединок с японским дипломатом. Дипломат погиб, я был тяжело ранен. – Берг кивнул на искалеченную левую руку. – Монахи приютили меня, вылечили, спасли от смерти.

– Почему вы остались у них?

– Мой поединок с японцем наделал в свое время много шума. Государь был разгневан, издал высочайший указ об отчислении меня из гвардии. Я был объявлен в розыск.

– Что ж, пока у нас все хорошо, фон Берг! В монастыре вы перешли в католическую веру?

– Нет. Я был и остался православным.

– Почему вы покинули монастырь?

– Тоска по родине, Гедеке... Если вам, конечно, знакомо это чувство.

– Не дерзите, Берг! Кроме того, для вас я – господин Гедеке!

– Я понял...

– Вы проходили на военной службе или в монастыре какую-либо специальную подготовку?

– Нет... В далеком прошлом я сапер и военный инженер. В монастыре был хранителем библиотеки.

– А ваша поразительная фотографическая память? Дар Божий?

– Не знаю. Я много читал, в том числе и специальной литературы по мнемотехнике¹. Мне было просто интересно, да и времени свободного было много.

– Понятно... Мориц, подкрутите-ка нашу «машинку»: мне кажется, что останавливающийся маховик внушает гостю несбыточные иллюзии. Итак, вы покинули монастырь, Берг, и оттуда направились прямым ходом в Петербург, к полковнику Архипову. Подумайте хорошенько, прежде чем ответить на следующий вопрос: вы знали, чем на самом деле занимаются в этом доме?

– Нет. Я получил от аббата рекомендательное письмо к господину Архипову. И ехал к нему, чтобы стать помощником в его хобби. Если бы полковник не взял меня к себе, у меня было второе рекомендательное письмо на должность управляющего имением в московской губернии.

– Но вы пришли ко двору Архипову и остались там. Еще бы, с такими-то задатками!

– Я говорю правду, господин Гедеке!

– Сколько человек входит в группу полковника Архипова?

– Точно я не знаю. Активный состав группы – около десяти человек, которые собираются по четвергам у полковника. И не спрашивайте меня, кто именно туда приходит: вы и сами прекрасно это знаете!

– Начинаете снова дерзить, Берг?

– Но это же очевидно! В группе полковника у вас есть свой осведомитель!

– Это ваш собственный вывод, Берг?

– Скорее, предположение.

– И на чем же оно основано?

– На утечке некоторой информации, которая становится известной и вам, и оппонентам группы. Кроме того, ваш человек был замечен во время отправки письма своему резиденту. К счастью для него, он вовремя успел сбежать. Полковник Архипов был весьма расстроен...

– Ладно, поговорим пока о вас лично, Берг! Какова цель вашей нынешней поездки в Европу?

– Вы прекрасно знаете, что я выехал в Германию по документам Ковача. Передо мной была поставлена задача завести знакомства в Главном штабе германской армии, обратиться на

¹ Мнемотехника – совокупность специальных приемов и знаний, облегчающих запоминание нужной информации.

себя внимание. В Берлине у меня состоялась встреча с шефом разведки Германии фон Люциусом – по его же, кстати, инициативе.

– Чем закончилась ваша встреча с фон Люциусом?

– Об этом вам лучше спросить у него самого. Я не уполномочен отвечать на подобные вопросы.

– Дерзите, Ковач! Полагаете, что фон Люциус запретил нам трогать вас?

– Если только вы не работаете еще на кого-то...

– Вы знакомы с Полонским, Ковач?

– Я слышал это имя в доме Архипова, однако лично никогда с ним не встречался.

– Что еще вы слышали о Полонском, Ковач?

– Он служит у графа Гейдена, коменданта Императорской главной квартиры. Занимается, по-моему, вопросами минирования северных проливов. Любопытный момент, если вы этого не знаете, господин Гейдеке: у Полонского, как и у меня, нет кисти одной руки. Вот только не знаю – правой или левой.

– Вы опередили мой вопрос, Ковач! Неужели в Русской армии настолько плохо с военными кадрами, что там берут на службу калек?

– Я не нахожусь на службе его величества, а выполняю частные поручения полковника Архипова.

– А что еще поручил вам полковник в Европе?

– В Вене я должен был встретиться с Анатолием Николаевичем Гриммом, подданным России, старшим адъютантом штаба Варшавского военного округа. И по возможности установить его связи с разведкой Австро-Венгрии.

– Все намеченные встречи состоялись?

– С Гельмутом фон Люциусом, как я уже отметил, – да. Но в Главный штаб я не проникал, секретных документов у вас не крал. Можете поинтересоваться непосредственно у Люциуса. Мы с ним побывали в Берлинской опере, в закрытом частном клубе и на скачках.

– Цель этих встреч?

– Моя? Я просто ответил на приглашение. А фон Люциус, по-моему, страстно мечтает завербовать второго человека в доме Архипова.

– Веселый вы человек, Берг! – криво улыбнулся Гедеке. – Так что же получилось с Гриммом?

– Я дважды телефонировал в Вене в его гостиницу, но там о его приезде ничего не знали.

– Странно... По нашим данным, он был в Вене вместе со своей любовницей. И встречался с Полонским – не говоря уже об его визите в Императорскую квартиру.

– В Петербурге мне назвали гостиницу, где Гримм обычно останавливается, будучи в Вене. Я не рискнул обзванивать все австрийские отели. В конце концов, он военный человек, и его служебную командировку могли перенести. У него есть непосредственное начальство в Варшавском военном округе.

– А какова была цель вашего знакомства с господином Гриммом?

– По данным полковника Архипова, он довольно регулярно поставляет германской разведке секретные данные военного характера. И вот теперь пытается «продать один товар дважды» – подсунуть те же секреты и вам. Мне было поручено узнать, что именно интересует вашу разведку. Характер службы господина Гримма предполагает весьма широкие связи в русских военных штабах Варшавского округа.

– Чтобы подкидывать нам и нашим немецким коллегам ложную информацию?

– Я всего лишь маленький винтик в большом механизме, господин Гедеке! И всех задумок Архипова просто не знаю!

– У вас на все готов ответ, Берг! Прямо ангел, только без крыльев и без одной руки! Кстати, о Петербурге! Что вы делали там в номере господина советника фон Люциуса?

– Искал книги, которые разведчики используют в качестве кодовых.

– Нашли?

– Не знаю. У него в номере оказалось всего четыре, если мне не изменяет память, книги. Любая из них могла быть использована в качестве кодовой.

Гедеке залпом допил мадеру, отшвырнул стакан в угол и зло уставился на пленника. Если бы не строгие инструкции, полученные им перед допросом, он давно заставил бы русского разведчика кричать диким голосом!

– Ладно, Берг! Ладно! – В руках у него оказался кусок металла прямоугольной формы, и он принялся колотить им по массивной плите, к которой были прикручены руки Берга. – Но от последнего обвинения, проклятая русская свинья, тебе не отвертеться! Как быть с портфелем, Берг?!

– С каким портфелем?

– С портфелем, в который ты залез, как в собственный карман! В одном купе поезда Берлин – Варшава – Петербург вместе с тобой ехал наш офицер, перевозивший секретные документы! И не успел он на минутку выйти из купе – кстати, после того, как ты подсыпал в его стакан слабительное средство, – как ты немедленно вскрыл его портфель и ознакомился с многостраничным документом, на котором стоял гриф «Строго секретно»! Два человека из соседнего купе через просверленные дырочки видели это и готовы выступить свидетелями в военном трибунале! Ты пропал, Берг!

– Господин Гедеке, представьте себя на моем месте. С вами в купе едет какой-то лопухий полупьяный субъект, бросивший опечатанный портфель прямо под нос незнакомому попутчику. Грех было не воспользоваться такой возможностью, Гедеке!

– Зарывав от ярости, Гедеке с размаху ударил кулаком по рычагу гильотины. И смертоносный резак начал плавное движение вниз...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Одна из свечей в шандале неожиданно громко затрещала, и человек за столом вздрогнул от неожиданности и даже смущенно обернулся, словно кто-то застал его за непотребным занятием. Но в сумрачном зале библиотеки, среди высоких шкафов с фолиантами и манускриптами, он по-прежнему был один. Человек вгляделся в узкие витражи немногочисленных окон, еле угадываемых в темноте, но время определить так и не смог. Пришлось встать и с шандалом в руке подойти к затерянным между книжными шкафами старинным часам.

Четверть пятого утра. Человек с удовольствием потянулся, разминая затекшие мышцы спины и поясницу, и побрел обратно к столу, за которым работал по ночам вот уже много лет подряд. Надо было собрать заметки, сделанные им за время очередных ночных бдений, вложить закладки в раскрытые тома, использованные для работы, и спрятать все это до следующей ночи в небольшую нишу, которую занимал с разрешения отца приора. Он давно привык к отсутствию левой руки и ловко использовал для прихватов и поддержки культю – и только здесь, да в своей келье, в одиночестве, давал обрубку руки отдохнуть от протеза.

Приоткрыв входную дверь, калека поставил шандал на низкий столик, привычно закрепил на левой руке протез – самый простой, со складным крюком – задул свечи и вышел на широкое каменное крыльцо библиотеки, в прохладу июньского утра. Запер дверь ключом, висевшим на шейном вервии, и неторопливо зашагал по дорожке, посыпанной мелким речным песком.

День обещал быть хлопотным: монастырь на Ясной Гуре принимал гостей и делегатов теологической конференции, проводимой монахами-паулинами два раза в год. На конференцию съехалось около семидесяти ученых богословов и представителей братств монахов не только католической приверженности. Богословские споры проходили, как обычно, вполне корректно, без шумных скандалов.

Вчерашний день работы конференции было решено закончить до торжественного обеда, после которого для всех желающих был намечен осмотр древнего монастыря. Сегодня планировалось короткое собрание предстоятелей монастырей и принятие очередного воззвания ко всем братьям и сестрам во Христе. После чего желающие из числа гостей имели возможность ознакомиться с сокровищами монастырской библиотеки, побродить по великолепному собору Святого Креста и Рождества Богородицы, посетить сердце монастыря – Капеллу Девы Марии, где хранилась знаменитая на весь мир Ченстоховская икона Божией Матери.

Кроме того, гостям с гордостью и весьма подробными пояснениями показывали фрески Рыцарского зала, где, собственно, и проходили конференции, а также водили в мастерские братьев-паулинов, в госпиталь для больных и страждущих. В более позднее летнее время знакомство с монастырем завершалось прогулками по его знаменитым фруктовым садам. Однако нынче там не было на что полюбоваться: в мае сады уже откипели пенным кружевом цветущих яблонь и вишен.

На колокольне пробило половину пятого, после чего 36 колоколов традиционно отзвонили мелодию гимна, посвященного Деве Марии, и калека заторопился. Свои ночные бдения в библиотеке он, как правило, завершал омовением в специальной купальне для монахов. Трубы, по которым вода из источника поступала в небольшой бассейн, были проложены через вечно горящие кухонные очаги, и поэтому даже самый лютый мороз не мог препятствовать омовению.

Обычно он не спешил и подолгу плескался в чистой воде, бьющей из земных глубин. Но сегодня его наверняка назначат куратором на время осмотра гостями сокровищ библиотеки, и к этому времени надо успеть не только помыться, но и поспать хотя бы несколько часов.

Но, как ни спешил человек с протезом, в купальне он оказался не первым. Обогнув угол арсенала, он услышал резкий скрип двери и увидел яркую полосу света, частично заслоненную силуэтом замершего на крыльце человека в длинной сутане. Столь ранний визит для омовения был для монашеской братии крайне необычен, и человек с протезом невольно остановился и даже прижался к серой шероховатой стене, став совершенно невидимым.

Тем временем выскочивший из купальни человек продолжал неподвижно стоять на крыльце, прислушиваясь к гаснущему колокольному перезвону гимна Девы Марии на колокольне.

Позднее калека и сам затруднялся объяснить, почему он не преодолел расстояние в два-три десятка шагов до купальни и не поприветствовал гостя – в том, что это именно гость, сомнений не было – здешние братья-монахи предпочитали вечерние омовения.

Наконец, неизвестный купальщик легко сбежал с крыльца, и шорох песка от его шагов затих на боковой тропинке, ведущей в сторону корпуса монашеских келий. Шел купальщик хоть и быстро, но часто спотыкался на изгибах тропинки, обрамленной камнями, всякий раз бормоча под нос невнятные ругательства.

Дождавшись, когда незнакомец исчезнет за углом здания, калека в задумчивости вышел из своего укрытия. Он как можно тише открыл дверь и проник внутрь купальни. Здесь все вроде было так, как обычно. Хотя нет – ни одно из сотни полотенец с монастырскими вензелями, ровными рядами вывешенных вдоль одной из стен, не тронуты. Пуста и корзина, предназначенная для использованных полотенец и белья, нуждающегося в стирке. Что же делал тут ночной гость?

Оглядевшись по сторонам, калека заметил непорядок в огромном камине, выстроенном в купальне для тепла и разжигаемом с октября до конца мая. Монахи-истопники, чтобы не дежурить у огня всю ночь, с вечера «заряжали» чудовищное жерло камина сажеными бревнами. Вот на одном таком бревне калека и заметил белую дымящуюся тряпку. Выглянув на всякий случай за дверь и прислушавшись – не возвращается ли ранний купальщик, – он длинной кочергой выволок тряпку из каминной топки. А чтобы сразу потушить – вылил на нее шайку воды.

Тряпка оказалась нижней рубашкой, надеваемой монахами в холодное время года под рясу. Рубашка была из тонкой, явно дорогой ткани, посему калека сделал вывод, что носил ее не простой монах. Также стало ясно, отчего ее столь безжалостно бросили в огонь: передняя часть подола была выпачкана кровью. Кровь, видимо, пытались замыть, однако убедившись в тщетности своих усилий, просто бросили в огонь. Причем неудачно: на тлеющий конец только-только разгорающегося бревна попала мокрая часть рубахи.

Немного подумав, калека бросил в огонь одно из полотенец со стены – оно тут же ярко вспыхнуло. Теперь, если незнакомец спохватится и вернется, то увидит в камине обгорелый лоскут и успокоится. Наскоро совершив омовение, калека завернул находку в чистое сухое полотенце и поспешил в свою келью.

Желание хоть несколько часов подремать, разумеется, напрочь исчезло: было о чем поразмыслить. Он не сомневался в том, что стал свидетелем финала чего-то темного и страшного, свершившегося в монастыре. Кто ночью в купальне пытался смыть кровь с рубашки и в конце концов бросил ее в огонь? И чья это была кровь? Эти вопросы вертелись в голове, но ответа на них не было. Калека уже жалел, что не проследил, в какую сторону пошел незнакомец...

Часы на колокольне отзвонили уже шесть часов утра, потом половину седьмого, когда в дверь постучались. Двери в монашеских кельях не запирались изнутри, поэтому калека, возвысив голос, пригласил посетителя зайти.

Вошедший оказался ключником отца приора. Просунув голову в щель приоткрывшейся двери, он передал калеке, что его срочно желает видеть сам предстоятель, аббат Девэ.

В гостевой комнате аббата собрались предстоятели монастырей, прибывшие на конференцию. При виде калеки в простой рясе многие из них удивленно подняли брови, зашептались, но аббат Девэ властно поднял правую руку:

– Братья мои во Христе... Не выражайте удивление, что присутствует на нашем экстренном собрании сей мирянин. Это хранитель нашей библиотеки, не имеющий монашеского звания, но давно живущий среди нас. Много раз брат Тадеуш – так мы привыкли называть его – удивлял меня и других людей остротой ума и ясностью мышления. Я уверен, что именно он может разгадать сию ужасную загадку! С вашего позволения, братья, я посвящу его в подробности.

Аббат оглядел собравшихся, ожидая возражений, однако лишь престарелый предстоятель ордена бенедиктинцев что-то пробормотал про то, что Господь сам укажет верной своей пастве заблудшую овцу. Не обращая на старика внимания, Девэ повернулся к брату Тадеушу, жестом велел ему сесть в свободное кресло и начал свой рассказ.

– Как вам всем известно, братья сервиты² привезли на нашу конференцию двух девочек-подростков, имея целью продемонстрировать нам достижения своего ордена на ниве просветительской деятельности, а также удивительные способности малолетних служительниц Девы Марии в постижении ими угодных Господу наук. После демонстрации сих удивительных отроковиц они были накормлены, а затем отведены специально закрепленным за ними наставником, братом Рафаилом, в помещение для ночлега паломников, ныне пустующее. Брату Рафаилу было велено дежурить в коридоре до утра. Однако он злоупотребил оказанным ему доверием и заснул, выпив перед этим две бутылки вина из монастырских погребов. Проснулся он лишь под утро от ужасных криков, доносившихся из кельи отроковиц. Брат Рафаил вбежал в келью и обнаружил, что одна из отроковиц мертва, а вторая только-только получила возможность двигаться и кричать, освободившись от опутывающих ее простыней. Сквозь слезы она пояснила брату Рафаилу, что проснулась ночью от каких-то шорохов и стонов. В свете лампы у своей кровати она увидела некую фигуру, совершающую нечто страшное с ее подругой. Отроковица вскрикнула, и злодей, оставив свою жертву, кинулся к ней, потушив по пути лампаду. Девочку спутали простынями и ударили по голове, отчего ее сознание помутилось, и она лишилась чувств.

Собравшиеся поначалу глухо ворчали, затем послышались возмущенные выкрики. Аббат Девэ поднял обе руки, призывая братьев к спокойствию. Постепенно шум затих, и приор продолжил:

– Спустя какое-то время вторая отроковица очнулась, сумела выпутаться из простыней, добраться до двери кельи и позвать на помощь. Брат Рафаил зажег фонарь, обнаружил свершенное злодеяние и, захватив уцелевшую девочку, кинулся наружу, призывая брата Симеона, который, насколько ему было известно, нес ночное бдение у помещения паломников снаружи. Однако брата Симеона на положенном ему месте не оказалось, и на крики брата Рафаила прибежали только ночные истопники и повара. Поручив отроковицу их заботам, брат Рафаил поспешил к моей опочивальне, разбудив по дороге ключника и звонаря. Я немедленно направился к месту страшного происшествия, где сбивчивый рассказ брата Рафаила получил полное подтверждение.

В воцарившейся тишине аббат закончил:

– В злополучной келье я обнаружил убитую девочку – ей свернули шею, а перед этим изнасиловали. Братья-паулины, которых я поднял по тревоге, обыскали весь монастырь и прилегающие сады, но нигде не обнаружили брата Симеона. Причем монахи-стражники у ворот

² Сервиты – один из нищенствующих орденов Девы Марии, основанный в 1233 году во Флоренции. Сервиты работают в приходских общинах, занимаются преподавательской деятельностью и миссионерством.

поклонились святым Причастием, что ночью монастырь никто не покидал, и мимо них не проходила ни единая живая душа.

Аббат перекрестился, вслед за ним перекрестились все присутствующие, исключая калеку Тадеуша.

– Так что же нам теперь делать, братья? Давайте подумаем сообща... – проговорил аббат Девэ.

– А что тут думать? – раздался из угла густой бас председателя ордена францисканцев. – Этот ваш брат Симеон, доподлинно зная о грешном увлечении винопитием брата Рафаила, воспользовался его бессознательным состоянием, сотворил грех насилия над девочкой, а потом удрал. Я не удивлюсь, если после вторичного, более строгого допроса ночной стражи выяснится, что кто-то из них слукавил. И ужасный насильник, и убийца сейчас уже далеко отсюда...

Приор паулинов в сомнении покачал головой и с надеждой воззрился на калеку Тадеуша, спокойно сидевшего в кресле и лишь теребившего конец опоясывающего его вервья. Почувствовав устремленный на него взгляд, Тадеуш поднял голову и глазами показал аббату, что желает переговорить с ним наедине.

– Простите великодушно, братья, но Тадеуш имеет сообщить мне нечто важное, причем строго конфиденциально, – объявил присутствующим аббат и, сделав повелительный жест, направился в смежную с гостиной молельню.

Не обращая внимания на недовольные взгляды и ропот оскорбленных недоверием предстоятелей, калека встал и последовал за приором.

– Брат Рафаил, конечно, страдает склонностью к чрезмерному пьянству, – без предисловий начал он. – И нет ничего удивительного в том, что, оставшись один, он предался этому пороку и уснул. Возможно, это спасло ему жизнь. Но чтобы брат Симеон, которого я знаю с момента поступления в монастырь, совершил грех прелюбодеяния, надругался над малолетней девочкой, да еще и убил ее – нет, не верю! Так же, как и вы, святой отец! Нам надобно искать не брата Симеона, а его бездыханное тело!

– Но братья уже несколько раз обшарили весь монастырь, все его потаенные уголки, все подвалы и даже колокольню! И никого не обнаружили – ни живых, ни мертвых тел, Тадеуш!

– И тем не менее надо искать! С вашего позволения, святой отец, я немедленно приступлю к поискам. А когда мы найдем тело, я предъявлю вам неоспоримые доказательства совершенного преступления и, возможно, укажу убийцу и насильника.

– Какая помощь тебе потребна, сын мой?

– Мне нужны все ключи от запираемых помещений монастыря. Было бы хорошо, если бы вы отрядили в помощники мне ключника. А вас, святой отец, я самым убедительным образом прошу ни под каким видом не выпускать из соседней комнаты никого из гостей!

– Но что я скажу, если кто-то из них потребует, чтобы его выпустили?

– Не ведаю, святой отец. Знаю лишь одно: гнусный насильник и убийца находится среди них! Благословите меня на поиски истины, святой отец! Хоть я и не принадлежу к католической церкви, думаю, лишним это не будет!

Выйдя на монастырский двор, Тадеуш велел ключнику принести все имеющиеся у него ключи к зданию, служившему обычно приютом для паломников. Сам он направился туда, стараясь не обращать внимания на угрюмые взгляды монахов-паулинов, кучками и поодиночке бродивших по дорожкам.

Подойдя к дому паломников, Тадеуш остановился и оглядел стены, прикидывая, где обычно коротают время охраняющие вход монахи. Ага, вот, кажется, такое место: сбоку от крыльца, в тихом закутке, спасающем от холодных ветров и летнего зноя! Здесь даже валун большой приспособлен – явно для отдыха.

Тадеуш подошел поближе, пристально рассматривая старую стену. Вот здесь, как раз неподалеку от валуна-скамейки, кирпичная кладка словно отполирована спинами караульщи-

ков на уровне лопаток человека среднего роста. Он заметил и снял с одного из кирпичей длинную серую нить, опустил глаза и осмотрел землю.

Так и есть! На утоптанной земле две бороздки – словно от каблуков сползшего по стене человека!

Тадеуш прошелся по дорожке от крыльца до угла здания, затем осмотрел широкий газон, поросший молодой, пробивающейся к солнцу травой. Да, будь сейчас разгар лета – он мог бы и не различить слабые следы волочения тела, что вели за угол мощной крепостной стены, окружающей монастырь.

Эта стена еще в XVII веке защищала монастырь от набегов сначала гуситов, а позже и шведов. Стена была полой, с многочисленными ходами и внутренними лестницами, позволяющими защитникам крепости незаметно перебираться на наиболее опасные для штурма участки и оттуда обрушиваться на осаждающего противника. В нынешнее время эти ходы показывали только гостям Ясной Гуры, да и то не всегда: многие лестницы и внутренние перекрытия были источены временем и стали совсем ветхими. Потому и двери, открывающие доступ внутрь стены, велено было постоянно держать под замком, во избежание несчастных случаев.

К Тадеушу подошел наконец брат-ключник, сгибаясь под тяжестью полупудовой, не меньше, корзины с великим множеством ключей.

– Брат Теофил, гости вчера осматривали эту часть стены? – повернулся к нему Тадеуш.

– Да, но только снаружи. Меня попросили открыть одну из дверей, ведущих внутрь стены, но замки совсем заржавели, и два ключа сломались прямо у меня в руках, – закивал Теофил. – А третья дверь, во-от эта, оказалась и вовсе открытой: замок там вообще превратился в труху. Поэтому дверь была прижата большим камнем. Но никто из гостей не пожелал пачкать руки и ворочать камень, все прошли мимо...

Уже не слушая, Тадеуш направился к двери, подпертой камнем. Беглый осмотр показал, что камень ворочали совсем недавно и даже не удосужились вернуть в прежнее земляное «гнездо».

Тадеуш взялся за камень, поднапрягся... Нет, слишком тяжело для однорукого.

– А ну-ка, помоги! – крикнул он брату Теофилу.

Камень дрогнул, тяжело качнулся. Тадеуш ухватился за массивную дверную ручку, в душе надеясь, что древние гвозди не вылетят от рывка. Но нет – дверь со скрипом поддалась и отворилась.

Теофил вскрикнул: прямо за дверью, почти на пороге, виднелись чьи-то ноги в грубых монашеских башмаках. Тадеуш и ожидал увидеть примерно такую картину, поэтому промолчал. Пригнувшись, он шагнул за порог, во влажную затхлость. Присел на корточки, взял лежащее тело за плечи и с усилием придал ему сидячее положение.

Это был, как и предполагал Тадеуш, брат Симеон. Разумеется, мертвый...

Теофил, непрерывно крестясь, порывался бежать за помощью. Прикрикнув на ключника, Тадеуш заставил его помочь вытащить тело наружу, перевернуть лицом вниз. Ощупал спину трупа, затылок: так и есть: сначала беднягу с силой «приложили» спиной об стену с выступающими ребрами кирпичей, а потом, оглушенному, проломали чем-то голову.

Тадеуш огляделся: кусты бузины надежно прикрывали их возню с трупом, никто из монашеской братии их не видел.

– Давай-ка, брат Теофил, спрячем тело до времени обратно за дверь. Давай-давай, так надо! – прикрикнул Тадеуш. – Я пойду доложу о нашей находке отцу приору, а ты запишись у себя и пока никому ни слова! Понял? Поклянись Девой Марией!

По дороге к апартаментам предстоятеля Тадеуш зашел в мастерские монастыря и именем аббата велел двум дюжим кузнецам следовать за ним. Сделав крюк, он заскочил в свою келью и захватил корзинку с рубашкой, найденной в купальне.

За дверями в гостиную, где аббат Девэ продолжал удерживать возмущенных клириков, было шумно. На пороге замерли два дюжих монаха, и Тадеуш мысленно усмехнулся: видно, отец приор тоже страховался от возможных неприятностей. Он объявил стражам, что прибыл с докладом о выполнении поручения аббата и просит его выйти наружу.

Взъерошенный и красный аббат через минуту вышел, увлек Тадеуша в боковой притвор и буквально простонал:

– Ну, говори же, сын мой! Говори быстрее, ибо наши гости на грани бунта!

Калека поведал приору о страшной находке за дверью в крепостной стене, а также показал нижнюю рубашку, брошенную в камин купальни и только чудом не сгоревшую.

Аббат выслушал рассказ, взял в руки рубашку, рассмотрел вышитые у ворота буквы «S. J.» и инициалы владельца, взятые в кокетливый вышитый вензель.

– Проклятый иезуит! – вырвалось у приора.

Он несколько раз перекрестился и с отвращением бросил рубашку обратно в корзину.

– С полгода назад он вернулся из заморской испанской колонии в Америке, – словно размышляя вслух, произнес аббат. – Ходят упорные слухи, что орден отозвал его оттуда из-за того, что брат наш во Христе приобщился к пагубной привычке местных племен жевать листья какого-то кустарника. Сок, содержащийся в этих листьях, дикари используют перед сражениями для придания воинам храбрости. Говорят, что злоупотребление этим соком может привести человека к совершению безумных поступков...

– И привело, – кивнул Тадеуш. – Если угодно, отец приор, я в любую минуту готов дать письменные показания.

Аббат машинально кивнул.

– Но, насколько я понимаю, они никому не потребуются, – позволил себе горько усмехнуться калека. – Самое большее, что грозит негодяю, это церковный суд его ордена. На насильника и убийцу наложат какое-нибудь «страшное» покаяние в виде тысячи молитв, потихоньку переведут в другой приход – тем дело и кончится...

– Мы поговорим об этом позже, Тадеуш! – раздосадованный аббат выпрямился, прищурился, глядя на собеседника. – Это не мирское дело, и не мирянину надлежит давать оценки поступкам отцов церкви!

– Прошу простить, отец приор. – Калека склонил перед аббатом голову. – Полагаю, что мои услуги вам сегодня больше не понадобятся...

– Да-да, конечно, Тадеуш, – кивнул Девэ, думая о чем-то своем. – Можете быть свободным и заниматься всем, чем вам угодно!

– Пользуясь случаем, я смиренно прошу у вас аудиенции и частного разговора, отец приор! – вторично поклонился калека. – Разумеется, не сию минуту, а в тот день и час, который вы назначите.

– Хорошо, Тадеуш. К обеду, полагаю, мы распрощаемся с нашими гостями, а после вечерней службы я готов принять и выслушать тебя!

* * *

– Значит, вы настроены покинуть нашу обитель, господин Берг, – задумчиво произнес аббат Девэ. – Надеюсь, ваше решение никак не связано со страшным ночным происшествием и теми резкими словами, которые вырвались у меня в минуту раздражения?

– Я не могу поклясться в этом! – покачал головой собеседник. – Ваше очевидное намерение не придавать преступлению подобающей огласки убедило меня в том, что я в этой «стае» – все же чужая «птица».

– Полагаю, напоминать вам о том, что существует Суд Божий, который со временем воздаст всем грешникам по заслугам, бесполезно. И вы по-прежнему считаете, что миряне имеют

право судить одного из столпов нашей церкви... И то обстоятельство, что по одной паршивой овце они будут судить обо всей пастве, вас ничуть не трогает. Что ж, видит Бог, как мне не хочется расставаться с вами, господин Берг, – признался предстоятель. – Скажу по совести, у меня еще не было столь квалифицированного хранителя библиотеки и столь интересного собеседника, как вы...

– Благодарю, отец приор...

– Не говоря уже о прочих ваших талантах и способностях, – чуть заметно усмехнулся аббат. – М-да... Но все птенцы, говоря образно, рано или поздно покидают свое гнездо – если вас не оскорбляет такое сравнение, господин Берг. Что ж, не смею удерживать вас и влиять на ваш выбор! С того момента, как вы попали в мой монастырь – а это случилось, если не ошибаюсь, осенью 1874 года, прошло почти 20 лет. Я помогу вам освоиться в мире, который вы покинули много лет назад и который забыл вас! Без сомнения, вы знаете, что я имею большие связи за пределами нашей обители. И регулярно навожу в миру всякие справки – в том числе и на ваш счет, господин Берг! Русский император, которого вы прогневали и который объявил вас во всероссийский розыск, давно уже почил в бозе. Его царственный наследник, Александр III, полагаю, знать не знает вашего имени. К тому же ходят слухи о тяжелой болезни императора и о том, что нынешний год ему не пережить³. Так что ему не до вас, господин Берг! Что же касается полицейского розыска, объявленного на вас 20 лет назад, то вряд ли его можно считать серьезным фактором...

– Смею надеяться, отец приор...

– Да, вы теперь уже не тот юный прапорщик, стройный и гибкий, как тростник...

– Вы забыли про главную примету, неизвестную тем, кто меня может искать, отец приор.

С тех пор у меня стало на одну руку меньше...

– Да, и это тоже, – не обращая внимания на горькую иронию, прозвучавшую в словах собеседника, кивнул аббат. – Впрочем, вы и с одной рукой управляетесь так, как не каждый человек с двумя! Я видел, как вы вместе с братьями работаете лопатой в саду... Но чем же вы намерены заниматься, выйдя из монастырских стен? Куда направитесь? Если это не секрет, конечно...

– Я не знаю, отец приор, – пожал плечами Берг. – Меня тянет в Россию, и все...

– «И все!» – усмехнулся аббат. – Ваши батюшка с матушкой, насколько мне известно, покинули сей бранный мир несколько лет назад. После них осталось небольшое именице, но предъявить на него права вы не можете, ибо тогда вам придется выйти из тени и отдаться властям. Не собираетесь ли вы в Японию, дорогой господин Берг? Признаюсь, что сведений о вашем японском друге я не имею, и даже не знаю, жив ли он...

– Я хотел бы вернуться в Россию, – упрямо повторил Берг. – Если ваша милость сочтет возможным дать мне рекомендации, может быть, я найду место в какой-нибудь частной библиотеке. Ну а нет – поеду в Крым, поищу место управляющего в одном из тамошних многочисленных имений.

– Что ж... Раз вы тверды в своем намерении покинуть нас, открою вам несколько секретов. Во-первых, вы достаточно обеспеченный человек, господин Берг, – хотя и не знали об этом до сих пор!

– Вы не шутите, отец приор?

– Такими вещами не шутят. Итак, ваш японский друг Эномото, покидая Россию, оставил у меня для вас некую денежную сумму. Эти деньги, положенные мною в банк, за двадцать лет увеличились почти втрое и на сегодняшний день делают вас если не богатым, то весьма обеспеченным человеком! Во-вторых, я намерен выплатить вам жалованье хранителя нашей

³ Император Александр III действительно скончался в ноябре 1894 года в Ливадии.

библиотеки, которую вы взялись приводить в порядок полтора десятка лет назад, добившись на этом поприще превосходных результатов...

– Не знаю, отец приор, смогу ли я принять от монастыря эти деньги...

– Надеюсь, вы не считаете, господин Берг, что таким образом я хочу купить ваше молчание относительно страшного преступления, совершенного одним из отцов нашей церкви нынешней ночью?! Наш орден, скажу вам откровенно, один из самых богатых в Европе и легко может себе позволить по достоинству вознаградить человека, много лет трудившегося на его благо! Ну а что касается вашего молчания, то поверьте, господин Берг: в этих стенах вам не найти ни одного свидетеля, способного подтвердить ваши обвинения, кои таковые возникнут...

– Не сомневаюсь, отец приор...

– С рекомендациями, разумеется, проблем не возникнет. Более того, я имею возможность обеспечить вас документами на новое имя! И не спорьте! Мне кажется, это будет разумной предосторожностью на тот случай, если ваше настоящее имя в России еще не забыто.

– Вы предусмотрели буквально все, отец приор...

– Погодите, Берг, я еще не все сказал. Знаете, мне кажется, что желание прозябать где-нибудь в хранителях библиотек или управляющих поместьями вряд ли соответствует вашему живому уму и удивительным аналитическим способностям. И я, пожалуй, дам вам письмо к моему старинному петербургскому знакомцу. Весьма любопытный человек, даю слово, Берг! Если он проникнется к вам доверием, у вас начнется очень интересная и нужная людям и правительству жизнь!

– Вы начали говорить загадками, отец приор...

– Увы: это не моя тайна. Да и узнал я о втором увлечении господина Архипова случайно. Вычислил, как вы любите говорить. Но все, больше ни слова. Готовьтесь к выходу в большой мир, Берг! Если по совести, я даже завидую вам. Впрочем, у каждого из нас своя судьба, своя доля, свой крест...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Городовой четвертого года службы Перфильев, стуча жесткими сапогами, вынырнул из проулка, по-хозяйски прошелся вдоль ступеней вокзального дебаркадера, где дремали три извозчичьих клячи, а из-под пологов доносился дружный храп заскучавших без работы ванек. В скудном свете далекого качающегося на ветру фонаря городской разобрал номера, намалеванные на прибитых к основанию оглобель жестянках. Ага: нуль-четыре-двадцать-два! Свой человек спит здесь, стало быть! Перфильев властно постучал по полости ножами шашки:

– Хватит дрыхнуть! Эй! Царствие небесное проспидишь!

– Но-но! Побалуй тут у меня! – спросонья заворчал из-под меховой полости ванька, заворчался, выпрастывая голову. – Я вот ты сейчас ожгу кнутом, чтоб не баловал, уставших людей не беспокоил...

Высунув голову наружу и разглядев «баловника», извозчик тут же выбрался из-под полости целиком и поклонился:

– Кондратий Степанович, вот уж кого сто лет не видал! Доброго здоровьица, господин Перфильев!

– Ты мне зубы-то не заговаривай, «нуль-четыре-двадцать-два!» – с ходу рассердился городской. – Ты пошто это, бедовая твоя душа, к тумбе посмел дохлятину свою привязать?⁴ Али извозничий билет у тебя лишний?

– Грешен, много грешен, батюшко Кондратий Степанович! – ванька торопливо сдернул с городской каменной тумбы веревочную вожжу. – Оно ведь как получилось, господин Перфильев: подковку поправлял! А чтобы кормилица моя не баловала – накинул на чуток, а потом и забыл! Задремавши, стало быть, Кондратий свет Степанович!

– Задр-р-ремал он, каналья! Вот сволоку сей минут в часть, да рапорт пр-р-едставлю! А потом погляжу, куды ты со своей дохлятиной напр-р-рависься! А ну-ка спиной повернись, сукин сын... Ага, так и знал! Номер под воротником кой-как да вкось пришит, так что цифирь и не различить!

– Батюшка, не погуби! – бухнулся на колени не на шутку перепугавшийся ванька. – Дело-то известное, хозяин чуть свет со двора на промысел гонит! И возврататься не велит, покуда двух с полтиною не привезу – так и спишь, как собака, не раздевшись. Вот оно и случается: пришьешь наскоро, во сне повернешься, а нитка-то возьми да и лопни! Вот те крест, батюшко Кондратий Степанович, сейчас прям побегу до съезжего двора, да все и исправлю, как следывает!

– И коляску переокрасить успеешь? – усмехнувшись, начал понемногу остывать городской. – Ну-ка, скажи мне, горе луковое, каким цветом извозчик экипаж свой красить должен, а?

– Известно, господин Перфильев: желтым, и никаким другим! Да только хозяин-то желтый цвет для экономии вохрой разводит велит! Поправлю, ей-богу! Нынче же и поправлю!

– Поправит он! – проворчал городской, шмыгая носом. – Пользуешься, негодяй, что из одной деревни мы с тобой, Пашка! Тут ходишь-ходишь, денно и ночью, прямо как собака, а ен заберется под полость и дрыхнет всю ночь! Гм... Слышь, Пашка, а погреться-то у тебя есть чем? Зябко под утро стало что-то!

– То исть как это нету чем хорошего человека уважить? – заблажил обрадованный Пашка, ныряя куда-то вглубь коляски и звякая стеклом бутылки. – Завсегда запасец держим-с!

– Тихо ты! – цыкнул городской, опасливо озираясь по сторонам. – Я тебе не кто попало, а должностное лицо полицейского звания! Спятил, что ли: чтобы я на площади, на глазах у всех, чрез горлышко начал хлебать?! Давай-ка хоть до угла отъежь, там потемнее будет...

⁴ Согласно городским правилам, извозчикам запрещалось привязывать лошадей к каменным тумбам, расставленным вдоль большинства улиц Петербурга.

С тем на четверть часа городской с извозчиком из-под фонаря и удалились, а потом и вернулись на биржу – городской – изрядно повеселевший, гулко откашливался в густые усы, все еще хранящие запах терпкой «калганной», а ванька – слегка приунывший, поскольку у него-то на припрятанный «шкалик» были совсем другие планы!

– В общем, гляди у меня, землячок хренов! – распрощался с Пашкой городской. – Гм! А ты так без седоков и стоишь с вечера, что ли?

– А откель им взяться, седам-то? – вздохнул «ванька». – Нонесь утром по расписанию только один варшавский и пришел поезд. «Первоклашек» всего трое-четверо было – их свои экипажи встречали. А которые третьим классом причапали – те до первых конок в зале да в буфете хоронятся. Берегут свои двоегривенные...

Ванька сплюнул с тоской, махнул кнутовищем, поклонился вслед благодетелю и, подумавши, полез было опять под полость досыпать до свету – да не получилось! Наблюдавший всю сцену воспитания ваньки пассажир из варшавского, из «третьеклассников», неслышно сбежал по ступеням дебаркадера и похлопал Пашку по плечу:

– Слышь, дядя, до Нескучного сада сколько возьмешь?

Тот обернулся, мгновенно обмерил-обшарил глазами нежданного седока. Росту пассажир был обыкновенного, только левый рукав пальтеца нерусского покроя зашпилен – убогий, стало быть. Говорит по-русски чисто, да только все равно из иноземцев, тут Пашку не проведешь! И саквояж у седока не из дешевых, кожа мягкая, замочки аккуратненькие.

– До Нескучного, барин, говоришь? Ежели русскими деньгами, то как раз полтинник, твое степенство! Ехать уж больно далеко, а откель мне порожняком по утреннему времени придется вертаться. Из иностранцев будешь, что ли, твое степенство? Ладно, коли так, то и сорока копеек довольно будет...

«Убогий» громко рассмеялся:

– Это до Нескучного-то далеко? Да тут же по проспекту пять минут твоей кляче доскакать! Пятнадцать копеек – божеская цена, дядя! – и полез в повозку.

– Стало быть, не иностранец! – вздохнул в бороденку Пашка. – Грамотный, язви его! Ладно, где наша не пропадала – пятак за ожидание накинешь, ваш-бродь?

– Накину, накину! – продолжал смеяться «убогий». – Давай, поезжай!

У Нескучного седок выпрыгнул из коляски, отсыпал ваньке пригоршню мелких медных монет. Делая вид, что закуривает, дождался, когда извозчик исчезнет за углом, и только тогда пошел по адресу, который давно уже выучил наизусть.

Крутить звонок пришлось долго. Наконец дверь с треском распахнулась, и на пороге возник крупный бородатый мужик в полотняном фартуке и плисовых штанах, заправленных в короткие сапоги. Посетитель, оглядев мужика, надел сдернутую было шапку и спросил, дома ли хозяин.

Мужик в фартуке с любопытством оглядел раннего гостя, его пальто нерусского покроя и небольшой саквояж и кивнул, не двигаясь с места: дома, мол!

– Ну, поди, доложи тогда, что ли... Я к полковнику из Ченстохова приехал, из монастыря...

– От аббата Девэ? Ну, проходи, – посторонился мужик.

Заперев дверь за гостем, он протянул руку:

– Давай письмо, что стоишь? Я и есть полковник Архипов!

– Прощения просим, ваше высокоблагородие! – спохватился посетитель, доставая письмо. – Не признал сразу...

При этом саквояж, который гость попытался повесить на крючок протеза левой руки, сорвался и увесисто шлепнулся на мраморный пол.

Хозяин без церемоний поднял рукав пальто гостя, глянул на крючок и, повернувшись, махнул рукой с конвертом: иди за мной, мол!

Прошли через анфиладу комнат с мебелью, накрытой полотняными чехлами. В доме пахло пылью и каким-то неуловимым неуютом. Спустились по лестнице – уже не мраморной, но добротной, гранитной, и очутились в совершенно неожиданной в таком respectable доме механической мастерской. Хозяин мотнул бородой на табурет, сам пристроился на другой и нетерпеливо вскрыл письмо. Посетитель с любопытством оглядывался по сторонам.

Такой мастерской не было даже в монастыре у паулинов. Вдоль одной из стен стояли в ряд несколько станков, соединенных ремнями с длинным валом, вращающимся под потолком. У другой стены вперемежку со шкафами стояли верстаки для столярных и слесарных работ. В углу, под обширной закопченной вытяжкой, в кузнечном горне пылал огонь. Углы мастерской были завалены множеством ящиков, шарманок, диковинных механических приспособлений и всевозможным железным хламом.

– Стало быть, отец приор Девэ помощничка мне прислал, – хмыкнул, дочитав письмо, хозяин. – Как же тебя называть прикажешь?

– По документам – меня уверили, что они подлинные, – я Миклош Ковач. Но мне не нравится это имя. И если сговоримся насчет места, прошу называть меня Агасфером.

– Как скажешь, господин хороший. Агасфер так Агасфер, – не выказал удивления полковник. – А Ковач, это как? Из мадьяров, по документам, стало быть, будешь?

– Из них самых, ваше высокоблагородие! – привстал и поклонился посетитель.

– Угу... А руку, как его высокопреподобие отписывает, ты *официально* с детства на механической молотилке потерял?

– Был грех, господин полковник. С мальчишками забаловался и вот... попал!

– Грех, говоришь? А я вот не там грех зрю, человеке! Аббат Девэ сроду никогда не врал – а тут, в письме, крутит! Пишет: «Сам, мол, все скажет – когда время придет». Руку-то покалеченную не желаешь показать, мил человек? Она у тебя, выходит дело, два раза пострадала? Один раз в мальчишестве, а потом и в юности?

– Зачем вам моя рука-то? – насупился посетитель. – Ежели не желаете рекомендацию отца приора принять, так и скажите! Пойду другое место искать, ежели что...

– Ишь ты, какой быстрый! – усмехнулся хозяин. – Пойдет он другое место искать! Может, и пойдешь, да только не ранее, чем я тебя, мил человек, разьясню! Дом-то у меня особый, можно сказать... Ну, так как, Агасфер? Не застесняешься старому солдату и рубаче руку свою покалеченную показать?

Тон у хозяина дома был самый что ни на есть веселый, даже игривый какой-то. Однако глаза смотрели недобро, вприщур. А ручищи, поросшие густым рыжим волосом, с широкими, словно садовые лопаты ладонями, не оставляли сомнения в том, что отставной полковник привык не только бумаги разбирать и холеную бородку в порядок приводить. В общем, скандал был раннему просителю совершенно ни к чему, и он, пожав плечами, расстегнул пальтецо, скинул его на табурет, задрал до плеча левый рукав то ли куртки, то ли полукафтана и привычным движением отстегнул крепления протеза. Помявши целой рукой культю, он вызывающе поднял ее чуть ли не до уровня глаз хозяина.

– Вот, извольте! Смотрите!

– Ты на меня не обижайся, мил человек! – примирительно забормотал хозяин, смачивая холщовую тряпицу какой-то остро пахнущей жидкостью из склянки с высоким горлышком. Тщательно протер тряпицей ручищи. – Не бойся и не стесняйся – я ведь, брат, и по медицинской части дока! А что предосторожности блюду – так не от скуки, а потому как дом у меня, как уже говорилось, особый. Хоть и один, не считая прислуги, в нем живу, а гости самые разные здесь бывают!

Не переставая бормотать, хозяин осторожно взял культю обеими руками, согнул-разогнул локтевой сустав, бережно прощупал концы обрубленных некогда локтевой и лучевой костей предплечья.

– Извини, мил человек, за бдительность. Приводи себя в порядок и пошли-ка чайку с дороги попьем!

Хозяин быстро пересек мастерскую, бросил в пламя кузнечного горна ярко вспыхнувшую тряпицу, коей протирал руки, и дважды дернул сонетку со шнуром, уходящим в отверстие под потолком.

– Это я сигнал камердинеру подаю, чтобы на двоих накрывал, – пояснил он с усмешкой и кивнул на саквояж: – Весь твой багаж? Или остальное в вокзальной камере хранения оставил?

– Все здесь, – буркнул посетитель. – А сундук с книгами отец приор обещал прислать позже, когда устроюсь окончательно.

Архипов удивленно поднял брови, однако от комментариев воздержался. Скинув фартук, он повел гостя какими-то коридорами. На первый этаж поднялись уже по другой лестнице. Мимоходом хозяин остановился у застекленной наполовину двери, распахнул ее:

– Вот твоё обиталище, господин Агасфер! Устраивает?

Комната была большой, светлой и почти пустой. Кровать, письменный стол с бюро, козетка с низким столиком, мраморный умывальник у двери, два шкапа вдоль стены. Через огромное французское окно, задернутое шторой, угадывался обширный балкон.

– Устраивает? – нетерпеливо повторил хозяин. – Ну, коли так, через тридцать минут жду в столовой. Обживайся пока, передохни с дороги-то!

Гость открыл было рот, чтобы спросить – раз «обживайся» – стало быть, место точно за ним? Но хозяин уже исчез, не удосужившись даже сказать – где искать эту столовую.

Агасфер прошелся по комнате, трогая сероватые чехлы на мебели, посидел на высоченной кровати – покачаться на ней, как в далеком детстве, не удалось: слишком она была обволакивающе уютна. Вспомнив о балконе, он с трудом выбрался из мягкого ложа, рванул балконные ручки – одна из них, не выдержав единоборства со стальным крюком в левой культяшке, с жалобным хрустом обломилась. Но тяжеленные балконные двери все-таки распахнулись, наполнив комнату влажным воздухом. Воздухом свободы!

Весь балкон был устлан ковром из листьев – и прошлогодних, и совсем уже почерневших, рассыпавшихся в мелкое крошево. Ступая по этому «ковру», Агасфер добрался до балюстрады – белоснежной, несомненно подновляемой каждый год, а то и несколько раз в год, сообразно с влажным петербургским климатом. Балкон выходил в небольшой сад, ограниченный серыми слепыми стенами окружающих домов.

Сад, когда-то ухоженный и уютный, ныне пребывал в запустении. Дорожек под листвою вперемешку с упавшими сучьями и даже целыми деревьями почти не было видно. Часть скамеек перевернута, часть поломана. Единственная натоптанная тропка вела откуда-то из-под балкона к дальней стене и заканчивалась перед глухой мощной калиткой в заборе. Черный ход?

Порыв ветра надул шторы, как паруса на корабле. Спohватившись, гость вернулся в комнату, прикрыл двери и присел на жалобно скрипнувшую козетку.

За два десятка лет, проведенных в монастыре, гость отвык от людского общества. Да, в монастыре шла своя жизнь, там тоже порой кипели страсти, были свои радости и огорчения... Однако крепкие стены Ясногурского монастыря, выдержавшие не одну осаду, даровали отрешение от суетного мира. Здесь, в Петербурге, таком знакомом и одновременно ставшим чужим, надо было заново привыкать к обществу людей...

Впрочем, надо ли? Может быть, покинув паулинов, он сделал ошибку?

И этот странный хозяин, отставной полковник Главного штаба... Еще в Ченстохове, затеяв разговор с отцом приором о своем желании покинуть монастырь и зная об обширных, порой неожиданных связях аббата в миру, гость втайне надеялся на надежность и разносторонность этих связей. Однако особняк чудаковатого полковника-отставника оказался полной неожиданностью.

Новоявленный петербуржец не мог не признаться себе, что его коробит панибратское «тыканье». Ему «тыкали» и неприятельские попутчики по варшавскому поезду, а вот теперь и этот полковник. Подобное обращение, бывшее нормой в монастыре, возмущало донельзя за его пределами.

Однако пора было идти искать столовую. Подумав, Агасфер раскрыл саквояж, достал аккуратно сложенную белоснежную сорочку и свой самый лучший, «парадный» протез – протезами-то и был в основном наполнен дорожный сак. Самыми разными, на все случаи жизни, как говорится.

Протез являлся не только «парадным» по мастерству отделки и обтягивающей кисть коже тончайшей выделки. Паулины из монастырских мастерских сделали его многофункциональным подобием живой человеческой руки. Сложная система ремешков и стальных прутков-тяг, опутавших руку почти от предплечья, позволяла хоть и неуклюже, но держать в бесчувственных пальцах стакан, брать за край тарелки и даже передавать ее – во время обеда, например... Или удерживать какой-нибудь круглый предмет вроде рукоятки трости... Все это требовало не только определенных движений верхней части руки, но и сгибания локтевого сустава, сжатия и растягивания невидимых под тканью рукавов пружин и гуттаперчевых лент...

Дорожных брюк гость менять не стал – надел только заранее начищенные полувоенные ботинки с крючками вместо шнурков – он давно уже приловчился застегивать и расстегивать их одной рукой довольно споро.

Несколько минут ушло на тренировку перед зеркалом: «парадным» протезом калека пользовался нечасто, а управление его механизмом требовало, как уже было сказано, определенных навыков. Посмеиваясь над своими усилиями казаться полноценным человеком, Агасфер, наконец, выбрался из комнаты и пошел на поиски столовой, полагаясь при этом не столько на интуицию, сколько на следы, оставленные кем-то на изрядно запыленном паркете.

Скоро стали слышны голоса – отрывистый командирский бас хозяина дома и почтительный тенорок прислуги. Между столовой и гостем оставалась лишь одна довольно массивная дверь. Приостановившись, гость поправил здоровой рукой зажатую мертвыми пальцами протеза книгу, в последний момент захваченную из комнаты, и, коротко постучав, отворил дверь.

Он ожидал чего угодно – только не этого! И хозяин, и камердинер, стоя на коленях, вдохновенно рылись в грудe старых газет, сваленных посреди столовой.

– А-а, это ты, мил человек! – как ни в чем не бывало улыбнулся сквозь бороду Архипов. – Проходи к столу, садись! Не обращай внимания на сей бедлам – как видишь, пользы от моего старого Кузьмы как от козла молока! Ну, чего стал столбом, дурень? – это было уже обращено к камердинеру: – Угощай гостя!

Камердинер, не сводя вытаращенных глаз с зажатой в мертвой руке гостя книги, разогнулся, попытался отряхнуть от пыли испачканные колени, улыбнулся и сделал приглашающий жест.

– Я сейчас закончу! – объявил хозяин. – Не люблю, знаешь ли, оставлять незаконченные дела, хоть и пустяшные! Кузьма, ты переложил, как тебе было велено, все приборы нашего гостя под правую руку? Вот и усаживай его, угощай! Называть его можно господин Агасфер!

Кузьма, явно предупрежденный о физическом изъяне хозяйского сотрапезника, по-прежнему с изумлением взирал на зажатую в его левой руке книгу. Услышав библейское имя, он торопливо перекрестился, бросил на хозяина вопрошающий взгляд: а не шутикуешь ли ты, барин, со мной, старым? Где ж тут калека-то? Да еще с таким-то именем...

Проследив за взглядом слуги, Архипов, прищурясь, всмотрелся в заглавие книги.

– «Опыты» Мишеля Монтеня? Читал давеча сие, мил человек, или просто в руку взял первую попавшуюся книгу? Кстати, можешь называть меня запросто Андреем Андреевичем.

– Читал, и много раз, Андрей Андреевич, – ответил гость. – В монастырской библиотеке это издание было в наличии, однако, признаться, отец приор не одобрял многих воззрений

и наблюдений господина Монтеня и не любил, когда эту чрезвычайно полезную, по моему разумению, книгу брали для чтения его братья – монахи.

– Хм... Не знаю, как аббат, но я целиком и полностью разделяю убеждение в полезности писательских трудов господина Монтеня. И с удовольствием вернусь – позже, разумеется, в свое время – к приятной беседе на эту тему. Ага! – неожиданно вскрикнул хозяин, потрясая выуженной из кипы старых газет одной из них. – Ага! Вот и нужный мне номер!

Архипов, не обращая внимания на перепачканные пылью локти и колени, направился к столу, уселся и снова воззрился на книгу в руках гостя, словно пронизывая взглядом ее толстый переплет.

– Кажется, Монтень всегда был склонен преуменьшать истинную ценность принадлежащего ему. И наоборот – преувеличивать ценность всего чужого. Успешно справившись с каким-либо делом, он приписывал сие скорее удаче, нежели собственному мастерству или умению. А вот я, милостивый государь, в отличие от господина писателя, больше полагаюсь на собственные память и наблюдения! И вот результат! – полковник с торжеством потряс старой газетой. – Кузьма, пошел прочь! Мы тут с господином Агасфером сами вполне способны управиться с завтраком. Пошел, пошел, потом позову!

Хозяин заткнул за воротник салфетку, приподнял крышку судка, удовлетворенно кивнул головой.

– Завтрак в английском стиле: бекон, тосты, жареные яйца! Собственно, мой Кузьма и делать-то ничего более приличного не умеет! Нравится ли вам английский завтрак, господин Агасфер? – Хозяин неожиданно перешел на мадьярский язык, не сводя с гостя внимательных глаз.

Тот, ничего не поняв, лишь пожал плечами и улыбнулся, отметив про себя, что надо бы на досуге заняться еще одним языком.

– Ах да, вы покинули Венгрию ребенком и не знаете родного языка!

– Я не совсем понимаю вас, господин полковник. Мой паспорт в полном порядке, и по документам я действительно Ковач, Миклош Ковач, с вашего позволения... И если моя просьба называть меня Агасфером кажется вам бестактной или чрезвычайной... Отец приор...

– Вы такой же венгр, как я американский индеец, – бесцеремонно прервал гостя хозяин. – Вы – русский. Скорее всего, обрусевший немец, хоть и прожили в польском монастыре, в окружении польских братьев-паулинов, два десятка лет. Я сразу заподозрил это, как только услышал ваше легкое грассирование. Хотите, продолжим игру в «угадайку»? Вы человек благородного происхождения и явно имели какое-то отношение к армейской службе. Это видно по невольным заученным телодвижениям при виде старшего офицера. Сейчас мы с вами попробуем проследить логику моих рассуждений и наблюдений – желаете?

– Что ж, любопытно, – слегка усмехнулся гость.

– Прекрасно! Я, знаете ли, хоть и живу таким анахоретом, однако наблюдения за человеческой природой мне отнюдь не чужды. Аббат Девэ, кстати говоря, высоко оценивает ваши необычные аналитические способности!

– Он наверняка преувеличивает, ваше высокоблагородие...

– Вы скромны! Посмотрим, посмотрим! Начнем строить цепочку наших рассуждений. Итак, аббат рекомендует мне вас в качестве незаурядного и весьма способного помощника. Но в чем? И кого? Некого мадьяра-подкидыша, без роду и племени, да к тому же еще, простите за прямоту, инвалида. Сразу напрашивается вопрос: кого именно Девэ хочет облагодетельствовать больше? Меня? Вас? Предположим, вас... Однако простите, господин Агасфер: аббат мог в гораздо большей степени облагодетельствовать вас, направив куда-нибудь в теплую Италию или ту же Венгрию. Садовником – вы же, судя по письму, весьма преуспели на этом поприще в монастырских садах? А как насчет библиотеки Ватикана, разве вам не предлагали поехать туда?

– Допустим, предлагали. Но, простите, откуда...

– Это совершенно неважно! Пока важно то, что аббат отправляет вас ко мне – именно после того, как я оказал ему весьма существенную и... своеобразную, скажем так, услугу. Это сигнал своего рода. Сигнал о том, что, направив ко мне человека выдающегося, аббат полагает, что он со мной в расчете! Вот старый лис! Но откуда, откуда он мог пронюхать?!

– Если позволите, господин полковник... Признаться, я и сам несколько удивлен. Отправившись из монастыря, я имел в виду всего лишь место садовника, или, в крайнем случае, управляющего сельским поместьем, либо домом, поставленным на широкую ногу. И был крайне удивлен, узнав о решении отца приора отправить меня к отставному полковнику, увлекающемуся поисками и реставрацией всевозможных механических предметов старины.

– Так... Значит, пока мы мыслим в одном направлении! – удовлетворенно крикнул хозяин, отправляя в рот огромный кусок бекона. – Вы ешьте, ешьте, не стесняйтесь! Надеюсь, вашему пищеварению не помешает небольшая головоломка, которую я вам сейчас предложу?

Гость уже начал привыкать к неожиданным поворотам в беседе с экстравагантным хозяином дома и послушно кивнул.

– Некий падишах, затрудняясь в выборе наследника – падишахи, знаете ли, в восточных легендах всегда стараются облагодетельствовать подданных наиболее мудрым правителем, – приказал двум своим сыновьям устроить верблюжьи гонки. Оба были признанными мастерами в этом, с позволения сказать, виде спорта. Однако главное условие отца было несколько необычным: наследником он поклялся сделать того, чей любимый тренированный верблюд придет к финишу не первым, а последним. Халтурить и сдерживать верблюдов при сем запрещалось, заметьте! Сыновья пребывали в унынии, пока не получили совет некоего жалкого, но сообразительного дервиша. В восточных легендах дервиши всегда появляются вовремя, знаете ли. Итак, дервиш дал совет... И как только до братьев-соперников дошел смысл сказанного, они вскочили на верблюдов и изо всех сил погнали их к месту финиша. Что же посоветовал им дервиш, господин Агасфер? Как, по-вашему?

Гость тем временем, закрепив вилку в протезе, разрезал зажатым в правой руке ножом кусок бекона. Отправив кусочек в рот, он пожал плечами:

– Поскольку халтурить по условиям игры было нельзя, у сыновей падишаха не оставалось другого выхода, кроме как поменяться перед скачкой любимыми верблюдами.

– Черт побери! Признайтесь, что вы знали эту восточную загадку! – досадливо покрутил головой Архипов.

– Слово чести – нет! Просто решение сей задачи вытекало из самих условий падишаха, – улыбнулся гость. – Большинство ошибок в своих рассуждениях люди совершают, не заметив в предлагаемой им задачке скрытого условия.

– Действительно... Концентрация внимания – вот ключ к решению большинства задач! – тряхнул бородой полковник. – Ладно, оставим пока открытым вопрос о вашей национальности и прочие личные тайны. Место брокантёра, считайте, за вами!

– Простите?..

– Или, если угодно, моего личного старьевщика. Мне кажется, что слово «брокантёр» более благозвучно. Его даже можно поместить на визитную карточку, и оно не будет шокировать публику. Во Франции, если не ошибаюсь, так именуют любителей всяческого механического хлама и торговцев таковым. Эти люди рыщут по городам и весям, разыскивая старинные механические приспособления, или, если угодно, игрушки. Большой частью просто забавные, но иногда и полезные. Изделия старых талантливых мастеров довольно часто выходят из строя по людской небрежности или неумению с ними обращаться. И, сломавшись, «переселяются» куда-нибудь в задние комнаты, потом в кладовые, или на чердак, а то и вовсе выбрасываются. А я, господин Агасфер, обожаю возиться с различными механизмами, разбираться в их устройстве либо хитрости обращения с ними. По большей части мне удается починить сломанные

«игрушки», и каждая занимает свое почетное место в моем скромном музее. После завтрака я непременно вас туда сведу!

– И вы предлагаете мне, господин полковник...

– ...стать моим разъездным агентом, если вам не нравятся упомянутые наименования. Коммивояжером! Я регулярно помещаю в русских и европейских газетах объявления о покупке механических предметов старины, но, когда на них откликаются, не всегда имею возможность выехать в Германию или ту же Италию. К тому же неизвестно, в каком состоянии пребывает та или иная «игрушка», соответствует ли мой запрос ее ценности – ну и так далее. Надеюсь, вы, господин Агасфер, не будете возражать против поездок – в том числе и заграничных – с приличными прогонными, представительскими и так далее? Ну и, разумеется, я положу вам оклад жалованья... Устроит вас, скажем, жалованье квалифицированного мастера на Путиловском заводе? Ах, вы не в курсе – это 45–50 рублей в месяц. Плюс премиальные за особо ценные находки во время ваших командировочных вояжей. Квартирные и прочие домовые расходы не поминаю – во время вашего пребывания в нашей Северной столице это я беру на себя! Ну, с, что скажете?

– Это слишком щедро для человека, которого вы час назад еще не знали, господин полковник!

– Благодарите аббата Девэ за его рекомендации и ручательство. Ах да! Он тут пишет, старый лис, что когда мы с вами сойдемся поближе – а он в этом, видите ли, не сомневается, то вы сможете открыть мне некие окутывающие вас тайны. Отчего наше с вами сотрудничество будет более полезным... Что ж, подождем, когда вы проникнетесь ко мне доверием... Ну а пока... Во время деловых поездок вы будете обеспечены суммами, достаточными для покупки интересных для меня «игрушек». Ну а если стоимость раритета превысит эту сумму, вам достаточно будет дать мне телеграмму, и мы решим вопрос с ближайшим к месту вашего пребывания банком. Вот теперь все! Вы уже закончили с завтраком? Тогда милости прошу в мой музей!

Полковник сдернул заткнутую за ворот салфетку, провел ею по бороде и стремительно направился к выходу, нисколько не заботясь о том, поспекает ли за ним новый, только что принятый служащий.

Поднимаясь по маршевой поворотной лестнице, полковник Архипов несколько раз обернулся к поспешавшему за ним гостю:

– Разумеется, заграничные вояжи начнутся для вас не с завтрашнего дня, господин Агасфер! Полагаю, что после двадцатилетнего пребывания в монастыре вы, э..., несколько отвыкли от мирской суеты. Вам надо пожить в цивилизованном обществе, побродить по улицам, побывать в обычных магазинах, ресторациях, клубах, увеселительных заведениях, если на то пошло. Кстати, вы раньше бывали в Санкт-Петербурге? В Москве, в других крупных губернских и уездных городах? Не растеряетесь в толпе? Или где-нибудь на балу? Умеете ли вы, к примеру, танцевать?

– Приходилось мне жить и в Санкт-Петербурге, и в других крупных городах – как России, так и заграничных, господин полковник. Но вы бесконечно правы: адаптация после многолетнего пребывания в монашеской среде лишней не будет. Было время, когда я вращался и в великосветском обществе, общался даже с весьма высокопоставленными персонами – но нынче даже в воспоминаниях с трудом представляю себя там...

– М-да, задал мне аббат задачку! – буркнул сквозь бороду Архипов. – Что же вы, любопытно мне, натворили эдакого в свое время?

– Не понял, господин полковник!

– Вот и я понять не могу. Впрочем, чужие тайны надобно уважать... Кстати, забыл упомянуть самое главное условие, м-молодой человек! Молчание-с! Да-да, молчание! Здесь, в этом доме, вы будете встречать самых разных людей – многие из них весьма высокопостав-

ленные особы! Да и скромные экспонаты моего музея представляют некоторый интерес... Ну, скажем так, для конкурентов по моим увлечениям. Так вот, я самым серьезнейшим образом рассчитываю на вашу преданность и скромность. Договорились?

– Договорились, господин полковник!

– И не удивляйтесь, что этот зал, единственный из всех помещений в моем доме, всегда заперт на замок. Здесь я храню не только свою коллекцию, но и ценные бумаги – преимущественно технического свойства. Чертежи, описание механизмов, секреты которых мне пришлось разгадывать долгими ночами – иногда неделями. Кроме того, некоторые экспонаты музея попросту смертельно опасны для непосвященного.

– Смертельно опасны?

– Вот именно! Видите ли, человеческий гений весьма разнообразен и разнонаправлен. Один гениальный механик создает механическое чудо для поражения человеческого воображения. А другой, выполняя заказ, изобретает настоящую машину для убийства... Впрочем, сейчас у вас будет возможность своими глазами увидеть все это...

Полковник снял с шеи ключ с замысловатой бородкой и, вставив его в замок, повернулся к Агасферу:

– Значит, аббат утверждает, что у вас чрезвычайно развито логическое мышление? Поглядим! – Архипов достал из кармана увесистое портмоне и, покопавшись в нем, положил себе на ладонь три монеты. – Как видите, у меня в руке золотой полуимпериал, серебряный рубль и медный пятак. Господин Агасфер, вы должны произнести сейчас словесное утверждение, которое окажется правдой – только в этом случае вы получите одну из этих монет в качестве, скажем, талисмана. Если ваше утверждение будет неправильным, вы не получите талисмана! Итак, что вы должны сказать, чтобы получить полуимпериал?

Гость, для которого очередная причуда хозяина оказалась совершенно неожиданной, на мгновение опешил. Поняв, что Архипов не шутит, он нахмурился, разглядывая монеты на широкой ладони.

– Итак, молодой человек, вы, я смотрю, в затруднении? – торжествуя, полковник раскрыл портмоне и приготовился ссыпать в него монеты.

– Погодите! – попросил Агасфер. – Наверное, так: вы ведь не собираетесь давать мне ни серебряную монету, ни пятака!

– Допустим. Но чем вы докажете, что ваше утверждение справедливо?

– Если мое предположение неверно, тогда, согласно логике, должно быть верным обратное: вы собираетесь дать мне либо серебряную, либо медную монету. Но это противоречит условиям вашей загадки: за ложное утверждение ничего не полагается, господин полковник. Значит, верно мое первое предположение.

– Черт бы вас побрал, господин из монастыря! – с восхищением уставился на собеседника хозяин. – Черт бы вас побрал! Вы потратили на решение этой древней греческой задачи лишь несколько мгновений! Признаться, в свое время я бился над ней около получаса!

Он протянул полуимпериал Агасферу:

– Просверлите дырку и носите на шее, как вечное напоминание о моей посрамленной гордыне! Итак, вперед, в таинственные закрома.

И полковник отворил перед гостем тяжелую дверь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Агасфер с любопытством перешагнул вслед за хозяином порог таинственной залы, о которой ему рассказывал еще аббат Девэ.

Помещение занимало, по-видимому, весь второй этаж особняка Архипова. Здесь, в отличие от комнат, переходов и коридоров первого этажа, было удивительно чисто. Ни пылинки, все сверкало. Высокие французские окна вдоль трех стен были завешены тяжелыми плотными шторами с небольшими щелями, отчего в зале царил полумрак, который усиливали отходившие от стен перегородки разной длины – иногда совсем короткие, а иногда достигавшие в длину трети ширины залы. В основном перегородки были совсем легкие, из некрашеного бамбука. Однако встречались и более массивные, из тяжелых плах, или вовсе каменные.

Поймав удивленный взгляд Агасфера, Архипов усмехнулся:

– Дивитесь чистоте и порядку, сударь? Ну, во-первых, сие помещение – храм, святыня своего рода. А кроме всего прочего, точные и тонкие механизмы, собранные здесь, не любят пыли и чрезмерной влажности. Раз в неделю приходится приводить сюда полдюжины поломоек и тратить по два часа, зорько следя за тщательностью их усилий. И главным образом, естественно, для того, чтобы разбитные молодые бабенки из любопытства либо по легкомыслию ничего тут не трогали и не крутили. Начнем с правой или левой руки, молодой человек? Ну, с левой так с левой...

И Архипов с видом заправского экскурсовода начал знакомить нового служащего со своей сокровищницей:

– Нашу экскурсию мы начнем с Британии. В XVIII веке Англия славилась замечательными учеными-механиками. Одним из них был Джеймс Кокс – искусный ювелир и изобретатель сложных механизмов. Расцвет его деятельности относится к 1760–1780 годам, когда он имел в Лондоне мастерскую и даже небольшой музей своих работ. В этом музее были выставлены всевозможные замысловатые часы (одни «с вечным заводом»), поющие механические птицы и дорогие игрушки с движущимися фигурами... Кстати, господин Ковач, самое известное произведение этого замечательного механика находится в России. К сожалению, не у меня...

– Вы говорите о чуде инженерной мысли этого механика, о часах «Павлин»?

– Да, знаменитые часы Кокса выставлены в одном из залов Эрмитажа. Я отдал бы любой из своих экспонатов за одну лишь возможность заглянуть внутрь этого чудесного механизма, – вздохнул Архипов. – Часы «Павлин» были куплены у английской герцогини Кингстонской, которая в 1777 году на собственном корабле с грузом художественных ценностей приплыла в Санкт-Петербург. Герцогиня щедро дарила свои сокровища Екатерине II, графу Григорию Потемкину-Таврическому и его секретарю Гарновскому. А знаете дальнейшую историю этого шедевра механики?

– Ну откуда же? – медленно, словно размышляя, покачал головой Агасфер.

– Часы попали к графу в разобранном виде. И естественно, не работали. Множество колесиков и винтиков отсутствовало. Граф призвал на помощь знаменитого русского кудесника-механика Кулибина. И тот сумел без чертежей и описаний разобраться в сложнейшем механизме. Ну-с, молодой человек, а теперь прошу за мной в музыкальное отделение музея!

Архипов подвел Агасфера к обширному подиуму в углу зала. Здесь вдоль стены выстроились в ряд с полдюжины шарманок. А на полу и разновеликих подставках были выставлены фигурки балерин, клоунов, барабанщиков и органистов. Центром композиции был огромный, богато украшенный ящик, с одной стороны прикрытый складчатой тканью.

– Все эти музыкальные шкатулки, шарманки и двигающиеся игрушки, – широко провел рукой вокруг хозяин, – попали ко мне в крайне плачевном, нерабочем состоянии. И я горжусь

тем, что смог их починить. Вот, к примеру, сложнейшее произведение неизвестного немецкого мастера – театр! Желаете полюбопытствовать?

– Не отказался бы...

Архипов приблизился к ящику, жестом фокусника извлек откуда-то снизу ручку, вставил ее в отверстие сбоку и принялся плавными движениями крутить, вслух считая обороты. Досчитав до двенадцати, он вынул ручку, спрятал ее на прежнее место и повернулся к Ковачу:

– Музыкальные шкатулки находятся в рабочем состоянии, однако в действии я демонстрирую их весьма редко. Дело в пружинах, в старых пружинах, господин Ковач! Этим игрушкам не менее семидесяти, а то и ста лет, а попадаются экземпляры и более почтенного возраста! И если реставрировать оси, колесики, металлические тяги мне удастся сравнительно легко, то со старыми пружинами просто беда!

Архипов сокрушенно покачал головой.

– Должен вам признаться, молодой человек, что, имея некоторые способности по механической и даже ювелирной частям, без толковых помощников по слесарной части я все-таки обойтись не могу. Но ни я, ни они не являемся специалистами в области химии сплавов. И изготовить пружину, идентичную по своим свойствам древнему аналогу, мы, увы, не можем! Тут нужны либо природный гений Кулибина, либо профессорские знания в области металлургии. Короче говоря, в тех случаях, когда я самонадеянно менял сломанные старые пружины на новодельные, старинный механизм при испытании ломался! А вот этот механический театр – исключение из правил! Его главная заводная пружина, благодаря густой смазке, оказалась в идеальном, практически первозданном состоянии! Ну а тяги и зубчатые колесики я восстановил. Так что театр восьмидесятилетней давности я могу продемонстрировать вам без всякой опаски! Итак, внимание!

Архипов двинул какой-то рычажок и поднес палец к губам, призывая гостя к вниманию и молчанию.

Заиграла музыка, передняя стенка ящика, представляющая занавес, медленно раздвинулась, и на сцене начали появляться фигурки балерин. Они сменяли друг друга, кружились, грациозно поднимали и опускали руки. И хотя Ковач видел, что движения фигурок были несколько резкими, какими-то угловатыми, и двигались они строго вдоль прорезывающих пол сцены пазов, его охватило детское чувство восторга, приобщения к чуду.

Через несколько минут музыка начала понемногу стихать, балерины развернулись раскрашенными лицами к зрителям, сделали реверанс и замерли. Занавес плавно задернулся, и музыка смолкла окончательно.

– Просто поразительно! – улыбнулся Агасфер. – Я сразу вспомнил детство. Рождество, легкая метель, и сани, в которых отец везет меня делать визит в соседнее поместье. Там много детей, елка, вот такой же механический театр – ну, не совсем такой же, разумеется, – похожий! Но конец того спектакля был испорчен: кто-то из детей, расшалившись, бросил на сцену, где кружились балерины, елочную игрушку. Взрослые не успели помешать шалунишке, несколько балерин, столкнувшись с препятствием, остановились, в ящике что-то звонко лопнуло... Последнее, что я помню: хозяин дома и отец того шалуна орут друг на друга, не обращая внимания на плачущих вокруг детей... В общем, праздник был испорчен!

– М-да, в механике, особенно тонкой, все как в жизни, – несколько туманно отозвался Архипов. – Ну а мы с вами последуем дальше! Вот-с, рекомендую: тоже английское изделие середины прошлого столетия!

Он подвел Агасфера к роскошному палантину, в котором сидела не то королева, не то принцесса. Двое пажей, спереди и сзади, держали палантин за длинные ручки. Фигурки были выполнены в половину роста человека и искусно раскрашены. Только маленькие колесики, едва видневшиеся за каблуками слуг, выдавали их искусственное происхождение.

– Или вот, рекомендую: сундук-убийца! – Архипов широким жестом указал на ничуть не зловещий с виду предмет, покоящийся на некотором возвышении. – Имеет все внешние признаки обычного вместилища предметов либо вещей, обычно хранимых под замком, однако на самом деле фальшив от первого до последнего гвоздя! В него, пожалуй, и не спрячешь ничего: все внутреннее пространство занято системой рычагов с мощными пружинами. Можете осмотреть его со всех сторон, господин Ковач: самый обычный с виду сундук! Стоял себе в ряду прочих вместилищ золота и прочих сокровищ у какого-нибудь ростовщика либо восточного владыки и терпеливо поджидал простодушного взломщика.

Агасфер с любопытством обошел вокруг постамента, пытаясь представить себе проявление зловещей сущности «убийцы», и, наконец, вопросительно посмотрел на хозяина музея.

– Что есть сундук в обычном представлении? – продолжал тот. – Короб с крышкой. Выполнен из крепких досок, окован для прочности по углам и поверхностям металлом, не так ли? А тут все не так! Петли, соединяющие заднюю стенку с крышкой, – фальшивые! Задняя и боковые стенки соединены с крышкой скрытыми петлями. И вот, вообразите себя алчным злодеем, забравшимся в сокровищницу за поживой, Агасфер! Вы облюбовали этот сундук, склоняетесь над ним и пытаетесь вскрыть либо взломать обычный с виду замок, приводя в действие страшный механизм, посредством коего сундук-убийца выполняет свою миссию! Крышка с огромной силой и скоростью распаивается – на настоящих петлях, которые закреплены не на задней, а на передней стенке. Одновременно задняя и боковые стенки также вырываются из своих гнезд, превращаясь в продолжение крышки, удлиняя и расширяя ее. Крышка с силой бьет по тому месту, где находится в этот момент не ожидающий подобных «сюрпризов» взломщик, убивая либо, как минимум, калеча его.

– Мне привезли этот сундук из Бельгии, – помолчав, закончил рассказ Архипов. – Привезли уже в раскрытом, так сказать, сработавшем виде. После того как сундук насмерть пришиб некоего молодого наследника известного ростовщика. Наследнику по каким-то причинам не была раскрыта страшная тайна. Сундук хотели было выбросить, а тут как раз мой агент в том городишке случился. Выкупил его за какие-то гроши, арендовал целую железнодорожную платформу да и отправил мне.

– Целую платформу? – удивился Агасфер.

– Да, ибо сей сундук имеет весьма обширное основание, к которому крепятся рычаги и пружины. Да вот, извольте! – полковник снял с ближайшей полки точную копию сундука в миниатюре и показал гостю. – Мне удалось восстановить механизм, поврежденный при извлечении его из подвала и при перевозке, – только главную пружину я, знаете ли, значительно ослабил по вполне понятным соображениям. Дело в том, что иные посетители моего музея просят продемонстрировать сей сундук в действии. И после каждой такой демонстрации требуется отремонтировать экспонат, ибо крышка, распаиваясь и ударяя по каменному полу, «калечила саму себя». И вот, чтобы не обижать людей отказом продемонстрировать зловещее предназначение сундука, пришлось изготовить сию миниатюрную копию.

Он протянул «игрушку» гостю:

– Хотите попробовать? Кстати, открыть сундучок вы вполне можете и своей левой... гм... рукой, боли отныне не чувствующей.

Агасфер пальцем протеза прикоснулся к защелке, исполняющей роль замка. Тут же раздался громкий щелчок, и крышка сундучка, раскрывшись, как и предсказывал Архипов, ошутимо ударила по протезу. Полковник подхватил едва не свалившуюся на пол «игрушку», сложил ее в первоначальное положение и отнес на полку. Затем, словно спохватившись, вытащил из кармашка часы, поглядел на циферблат и сокрушенно покачал головой:

– Совсем забыл, милостивый государь! Через два часа у меня назначена встреча, которую никак нельзя пропустить. Так что нашу экскурсию придется прервать – прошу прощения! Впрочем, общее представление о музее вы уже получили. Ну а ежели возникнет желание вер-

нуться сюда и более внимательно осмотреться – милости прошу! А чем вы намерены заняться сегодня, господин Агасфер? – неожиданно спросил хозяин. – Простите за нескромность, но ведь вы уже у меня на службе!

– Чем прикажете, господин полковник...

– Та-ак... Чем прикажу... А вы что, действительно все двадцать лет безвылазно просидели в своей обители?

Агасфер пожал плечами: он вовсе не имел намерения рассказывать едва знакомому человеку, что «сидение» в монастыре паулинов вовсе не было похожим на тюремное заточение.

Несколько раз он сопровождал отца приора в его поездках в Варшаву, Берлин и даже в Ватикан, самостоятельно выполнял мелкие поручения монастырского начальства в Ченстохове и окрестных городишках.

– Ладно, в конце концов, это ваше личное дело, – не дождавшись ответа, проворчал Архипов, жестом приглашая гостя к выходу из музея. – Но мои вопросы, прошу понять правильно, продиктованы не дамским любопытством. Поставлю вопрос иначе: есть ли у вас в Петербурге основания ожидать неприятной для вас встречи с прошлым?

– Не думаю. Хотя и исключить такой вариант не могу, – признался Агасфер.

– Ага, уже «теплее»! – хмыкнул Архипов. – Тогда следующий вопрос: насколько изменилась ваша внешность за последние 20 лет? Вот, к примеру, бородка польского образца... Вы давно отдаете ей предпочтение?

– Двадцать лет назад у меня были шикарные «гвардейские» усы. Бородки не было...

– А волосы? Короткая стрижка – монастырская мода?

– Можно сказать и так... Но зачем вам это все, господин полковник?

– Зачем? Черт возьми, милостивый государь, я собираюсь обзавестись помощником вовсе не для того, чтобы через неделю-другую вы покинули меня, скрываясь от своего прошлого, которое неожиданно догнало вас!

Агасфер резко остановился:

– Уж не подозреваете ли вы, что я беглый каторжник, господин полковник?

– Ну-ну, успокойтесь, молодой человек! И не надо так сверкать глазами! Во-первых, я слишком хорошо знаю аббата Девэ, чтобы подозревать, что он способен на подобные «сюрпризы»! А во-вторых, попробуйте поставить себя на мое место. К вам является проситель – зрелый мужчина, с хорошим рекомендательным письмом. Весьма смысленный, образованный, однако по какой-то причине вынужденный скрываться за монастырскими стенами два десятка лет! Венгерский мальчишка, взятый монахами из милости? Чушь собачья, сударь! Ваша левая рука попала в молотилку, как вы утверждаете, еще в мальчишеском возрасте. Допустим! Но где вы обретались до паулинов в течение восьми-десяти лет? В том же мадьярском поместье, где покалечились? Чушь, чушь! Кроме того, милостивый государь, я, как человек военный, знаю толк в ранах! Ваша рука отсечена острейшим режущим инструментом – саблей, мечом, топором – не знаю! Рана почти хирургическая: чтобы сформировать культю, доктор приложил немало сил и умения, собирая по клочкам кожу и мышцы... И ваша образованность, наконец!

– Я был долгое время хранителем библиотеки, – напомнил с легкой улыбкой Агасфер.

– И снова чушь! – начал уже сердиться полковник. – Общение с книгами не принесло бы полуграмотному мадьярскому оборванцу и десятой доли того образования, которое получили вы! Совершенно ясно, что монастырская библиотека лишь расширила ваш кругозор...

Он запер за собой дверь музея, и, придерживая гостя за локоть здоровой руки, повел его к лестнице.

– Вы дворянин, милостивый государь! – доверительно сообщил Архипов свои наблюдения. – В конце концов, вы сами проговорились об этом, рассказывая о своих детских впечатлениях, об испорченном рождественском вечере! Не желаете поведать первому встречному о себе всей правды? Это ваше дело! Я ведь и не требую исповеди, не так ли? Будет время и

желание – когда мы с вами познакомимся поближе – расскажете. Не захотите – воля ваша! Но минимум сведений о вас, согласитесь, я все же должен получить! Почему аббат прислал вас именно ко мне? Почему именно вас он посчитал полезным делу, которым я занимаюсь?

– О каком деле вы говорите, господин полковник? Об этих куклах, которые вы мне только что показали? О механических игрушках? Но для поиска экспонатов для вашего музея достаточно ловкого пройдошистого коммивояжера. При чем тут аналитические и прочие способности?

– Еще теплее!

– Я знаю о вас как своем нанимателе гораздо меньше, чем вы обо мне, – и это порождает массу вопросов! Позволительно ли мне будет поразмышлять вслух?

– Извольте! Поглядим, поглядим!

– Направляя меня к вам, отец приор вскользь упомянул о том, что вы – полковник-отставник Главного штаба русской армии. Один из высших чинов Генерал-квартирмейстерской службы его величества. Между тем ни ваш возраст, ни цветущий вид, ни, стало быть, состояние вашего здоровья не позволяют предположить, что причиной вашей неожиданной отставки стала болезнь. Опала? Вы слишком умны, чтобы испортить себе путь к генеральским эполетам открытым противостоянием с чинами ближнего царского окружения. Можете ли вы сказать, почему оставили престижную и многообещающую военную карьеру и занялись «детскими игрушками» и «куклами»?

– Действительно, отчего бы? – пробормотал хозяин.

– Не отвечайте, господин полковник... Вы не можете... Ни один заговорщик не признается первому встречному в своей сути, – вздохнул гость.

– Заговорщик? – искренне расхохотался полковник. – У вас весьма странные представления о заговорщиках, господин Агасфер!

– Возможно, я неточно выразился, – замялся тот. – Прошу простить, если так. Но ведь и заговорщикам вовсе не обязательно злоумышлять против государя или государственных основ...

– Довольно, милостивый государь! – оборвал его полковник. – Довольно! Предлагаю на время объявить перемирие и перестать терзать друг друга трудными вопросами. Давайте пока оставим все так, как есть. Возможно, настанет минута, когда между нами возникнет доверие, которое позволит нам без утайки раскрыть друг другу свои тайны.

– Хорошо. Согласен, – Агасфер пожал протянутую руку. – Но на чем мы тогда остановимся нынче?

– На моем совете. Вполне дружеском. Если вы когда-либо жили в Петербурге и есть основания думать, что вас могут узнать – измените внешность! Отрастите, например, более длинную бородку. Закажите несколько комплектов верхней одежды, не похожей на ту, что когда-то носили. Откройте заново для себя Северную столицу, больше гуляйте по улицам – но избегайте, хотя бы первое время, мест, где вас могут помнить!

– Советы вполне разумные, – согласился гость.

– Хотите, на первое время я дам вам сопровождающего для прогулок по городу? – предложил полковник. – Это мой бывший адъютант, который подал в отставку вслед за мной. Правда, он несколько моложе вас, но вполне дружелюбен и доброжелателен. Он прекрасно знает Петербург и будет вашим гидом до тех пор, пока вам не надоест его опека.

– Спасибо, я подумаю...

– Дом – в вашем полном распоряжении... кроме музея. Хотите – можете помогать мне в моих мастерских. По мере сил, разумеется.

– Спасибо. А сад? Знаете, в монастыре я часто работал в саду. Мне нравится запах земли, нравится неспешная возня с деревьями и цветами...

– Да ради бога! Правда, сад несколько запущен...

– Это ничего! Тем интереснее будет поглядеть через несколько месяцев, что из всего этого получится...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Первую ночь в доме Архипова Агасфер проспал как убитый, и когда хозяйский камердинер, он же дворецкий Кузьма, подошел к двери его комнаты, чтобы позвать на завтрак, гость проснулся не с первого деликатного удара в дверь.

– Завтрак на столе, сударь! – воззвал из-за двери Кузьма и снова выдал короткую деликатную дробь костяшками пальцев.

– Да-да, сейчас! Сей момент! – Агасфер уже был на ногах и с некоторым удивлением оглядывал незнакомую обстановку, с трудом припоминая, как он здесь очутился.

Убедившись, что новый жилец проснулся, услышал зов и не намерен вновь зарываться в подушки, Кузьма ушоркал дальше по коридору.

Ополоснув лицо и руки, Агасфер быстро оделся во вчерашнее платье – белую сорочку и полурабочие брюки, – пристегнул протез и направился уже знакомыми коридорами в столовую.

К его удивлению, обеденный стол был свободен от еды и приборов и почти весь завален газетами, журналами и приложениями. То, что не поместилось на обеденном столе, аккуратно стопками было разложено на таком же обширном приставном. За столом сидели хозяин дома и незнакомый Агасферу молодой человек лет тридцати в гражданской одежде, с аккуратным пробором. Хозяин был облачен в необъятный синий халат с рукавами, по-рабочему закатанными чуть ли не до локтя.

– Доброго, доброго утра! – пророкотал Архипов, мельком взглянув на вошедшего и снова впиваясь взглядом в газетные колонки. – Небось, удивляетесь, молодой человек, что с утра на столе не английский завтрак, а бумага разных сортов? А между тем это старая моя традиция – начинать день не с натуральной, а с духовной пищи!

Пока Агасфер раздумывал над подходящим ответом, Архипов обратился к привставшему с поклоном молодому человеку:

– Кстати, знакомьтесь! Господин Миклош Ковач, он же Агасфер, мой новый служащий! А это мой старинный, несмотря на возраст, друг и ротмистр в отставке Владимир Терентьев! Некогда начальник рыцарей⁵, он оставил свой полк, прельстившись перспективой служить адъютантом при моей персоне! А когда мою персону «попросили» из Главного штаба, Владимир Семенович, представьте, тоже подал в отставку! Я был тронут, разумеется... Одного мне только жаль: я так и не сумел приохотить ротмистра к своим механическим «забавам»!

– Побойтесь Бога, Андрей Андреич! – по-свойски хмыкнул Терентьев. – Сколько я вам этих механических цапек нашел и в дом доставил! Вот и нынче – извольте-ка поглядеть! Два весьма перспективных объявленьица для вас в «Петербургском листке» откопал! А вы, господин полковник, едва их не пропустили!

– Ну, молодец, молодец, хвалю за зоркость – углядел! – проворчал полковник. – Да только это пока, извините, журавль в небе! А поедешь посмотреть на сии «шедевры» – сплошь рухлядь и барахло несусветное! Что, мил человек, не бывало такого?

– Ваша прихоть сродни старательскому искусству! Сами не раз говаривали, Андрей Андреич! Пока в грохоте⁶ золотишка блеснет – сколько породы через него пропустить надобно!

– Поучите, поучите старого старателя, ротмистр! Вот сегодня с нашим новым сотрудником, с господином Агасфером, и извольте отправиться по сим адресам! И поглядим тогда, чего ваша интуиция стоит!

⁵ Rittmeister (нем.) – начальник рыцарей – ротмистр, военный чин VIII класса в кавалерийских частях русской армии, соответствовал капитану сухопутных частей

⁶ Грохот – старательский инструмент для просеивания сыпучих материалов и разделения на фракции горных пород. В золотодобыче – для отделения золотого песка от пустой породы.

Из этого короткого диалога гость уразумел, что рабочий день полковник начинает с просмотра объявлений о продаже разного имущества, в изобилии печатавшихся в городских газетах⁷.

Чтобы не сидеть сложа руки, Агасфер взял с приставного стола стопку газет и принялся их просматривать. Полковник тут же заметил:

– А вот в этих газетах подобных объявлений не сыскать, милостивый государь! Эти газеты финансирует и лично водит пером их сотрудников советник посольства Германии в России Гельмут фон Люциус!⁸

Агасфер недоуменно нахмурился:

– Открытый шпионаж? Но позвольте, если об этом знают, то отчего же господину Люциусу и же с ним дозволяется столь нахально попирать российские законы? Отчего не прикрыть эту лавочку?

– Ха! Видал, Владимир Семенович? Люциусовскую лавочку прикрыть господин Агасфер желает! А на каком основании, скажите на милость, милостивый государь? Газета как газета, печатает различные материалы и корреспонденции, соответствующие вкусу и потребностям своих читателей... Тут хоть в лупу гляди – никаких военных тайн, могущих нанести ущерб нашей державе, не сыскать!

– Тогда отчего же...

– Шифр, милостивый государь! Без ключей к этому шифру, один из которых спрятан за семью замками у герра Люциуса, а другой хранится в Генеральном штабе в Берлине, немецкую разведку ни в чем невозможно обвинить! Один шпион собирает, допустим, засекреченные данные о перевооружении нашего военного флота – через писарей, чертежников, этнических немцев, работающих в десятках и даже сотнях филиалов вполне уважаемых фирм с громкими именами. Другой трудолюбиво несет добытое фон Люциусу. А тот встречается с корреспондентом, работающим в солидной газете и подготовившим, допустим, занимательную публикацию о развитии в России электротехнической промышленности. Ничего секретного в той исходной статье нет, боже упаси! Но Люциус берет ее «на карандаш» и слегка перерабатывает. Меняет в определенных местах словосочетания, вставляет в текст кодовые слова, меняет знаки препинания – и возвращает статью автору. А тому и делать-то ничего не надо – только со всей тщательностью проследить, чтобы внесенная немцем правка сохранилась при выходе газеты в печать!

– Кажется, понимаю, – кивнул Агасфер. – А в германском Генеральном штабе, получив по подписке очередной номер русской газеты, применят имеющийся у разведчиков ключ к шифру, все легко прочтут и будут довольно потирать руки... Вы знаете, господин полковник, в монастырской библиотеке мне как-то попалась любопытная книга по истории криптологии. Вы, кстати, знаете, господа, что еще Аристотель увлекался этим делом? Любое шифрование производится, как известно, с помощью какого-то алгоритма, то бишь последовательности действий и набора определенных символов. Например, букв и цифр. Таким образом, расшифровать послание можно лишь двумя способами. Первый очевиден: нужны алгоритм и ключ! Но есть и целая наука, господа, противодействующая искусству криптографии! Это так называемый криптоанализ, с помощью которого можно раскрыть шифр или код без предварительного знания ключа и алгоритма! Это называется дешифрованием, и мне, господа, просто трудно

⁷ Объявления в газетах того времени занимали до половины газетной площади.

⁸ Г. фон Люциус осуществлял в те годы общее руководство военным шпионажем Германии в России. Он занимался сбором военно-промышленной информации и курировал канал передачи важной стратегической информации практически открыто, через статьи, которые лично, пользуясь особым шифром, надиктовывал германским журналистам. Таким образом, под видом «невинных зарисовок о российской действительности» газета осведомляла свое руководство в Германии о самых секретных мероприятиях государства.

представить, что Департамент русской полиции не имеет в своих штатах таких специалистов! Куда ж они смотрят?

Архипов и Терентьев переглянулись, и ротмистр со вздохом посмотрел на газетный лист, который держал в руках. Полковник откашлялся:

– По-моему, мы чрезмерно увлеклись не свойственным нам делом! Предлагаю сменить тему беседы – нас больше интересуют механические забавы, оставленные нам предками! Итак, вы, молодые люди, сегодня идете по следу, «нарытому» Владимиром Семеновичем! А заодно, я надеюсь, «начальник рыцарей» покажет нашему гостю адрес приличного портного и поможет заказать несколько современного вида пиджаков и прочей одежды. Ну а вы, Агасфер, побродите по окрестностям с открытыми глазами: мир за последние 20 лет сильно изменился! Люди стали не только иначе одеваться – они и думать стали иначе! Обзавелись, знаете ли, новейшими достижениями технического прогресса... Вот, например, конка, господин Ковач! Вы знакомы с таким видом общественного транспорта? Нет? О-о, сколько же вам открытий предстоит сделать. – Архипов благодушно покачал головой и вдруг заорал так, что молодые люди невольно вздрогнули: – Кузьма! Где ты, бездельник? Убирай эти чертовы газеты и дай нам более удобоваримые для желудка вещи!

Кузьма, словно стоял за дверью в ожидании этой команды, тут же появился. Газеты с обеденного стола мигом перекинулись на приставной столик, снабженный колесиками, и исчезли за шторой где-то в боковом проходе.

Архипов за завтраком был весьма оживлен, беззлобно подшучивал над сотрапезниками. Агасфер то и дело ловил на себе любопытные взгляды Терентьева. В конце трапезы, когда мужчины встали и направились по своим комнатам переодеваться, Агасфер поймал за рукав тяжело сопящего Кузьму и, словно невзначай, поинтересовался, куда отправляются газеты после прочтения – уж не на растопку ли печей и каминов?

– Бог с вами, сударь! – Кузьма даже перекрестился. – Бог с вами! Только в библиотеку его высокоблагородия! А там уж оне сами их как-то сортируют, раскладывают по пачкам, переплетают, да и по полкам потом...

Уговорившись с Терентьевым выйти из дома во второй половине дня, первую Агасфер посвятил знакомству с особняком.

Изнутри дом оказался едва ли не больше, чем представлялось снаружи. Большие залы и маленькие комнатенки непонятного предназначения, переходы, лестницы, упирающиеся словно в никуда...

Сегодня в доме вовсю кипела работа: наступил «четверг», и целая ватага наемных поденщиков под водительством Кузьмы скребла, чистила, мыла все подряд. Выглянул Агасфер и в сад – но и тут чистили и выбивали ковры, длинные дорожки, диванные подушки.

Чтобы убить время, Агасфер собственноручно навел порядок на балконе – подмел старые листья, собрал ветки и мелкий хлам. И направился на поиски Архипова.

Он нашел полковника в его мастерских. В «чистке Авгиевых конюшен» хозяин участия не принимал. Уже без шикарного синего халата, в плисовых штанах, заправленных в короткие сапоги, и в тяжелом кожаном переднике, Архипов, бурча что-то под нос, налаживал привод небольшого токарного станка. Судя по всему, разговор с новым служащим не входил в планы полковника, и он недовольно обернулся на звук шагов.

– В этом доме существует строгий распорядок дня, милейший: каждому делу – свое время! Вы, как мне помнится, с ротмистром нынче должны в городе променады делать! Впрочем, вы тут человек новый, постепенно к порядку привыкнете, так что извиняйте за старческое бурчание. У вас есть ко мне какие-то вопросы?

Агасфер, чуть смущаясь, объяснился. Архипов отбросил какие-то железки и отполированный кожаный ремень и поднял брови домиком:

– Сколько, вы говорите? М-да... Откровенно говоря, впервые мне попадается помощник, который едва ли не богаче самого хозяина! Не будет ли нескромным поинтересоваться происхождением таких деньжищ? Наследство? Но почему тогда «живьем», так сказать, а не в ценных бумагах, векселях, облигациях? Впрочем, можете не отвечать – вопрос явно бестактный. Простите...

Агасферу же его вопрос показался самым обычным. Он рассказал, что большую сумму «на оздоровление» в золотых монетах передал предстоятелю монастыря его друг – когда вынужден был оставить его смертельно раненым на попечение монахов. Щепетильный же аббат не счел возможным брать из этих денег ни гроша – тем более получив от этого друга поистине царский подарок. Деньги «на оздоровление» были положены в банк на имя Агасфера – с тем, что если Бог даст ему поправиться и когда-нибудь покинуть монастырь, то он смог бы покинуть его не нищим. Кроме того, аббат Девэ счел необходимым определить Агасферу неплохое жалованье за работу по приведению в порядок библиотеки паулинов. И перед его уходом из Ченстохова передал ему тяжелый кошель с дукатами и почему-то наполеондорами⁹.

– И все это у вас в этом «сундуке»? Вы позволите? – Архипов перехватил ручку тяжелого саквояжа из здоровой руки Агасфера, прикинул на вес, уважительно вернул обратно. – М-да, молодой человек! С таким грузом по улицам славного города Петербурга опасно ходить не только ночью, но и днем! И в доме оставлять его я бы не рискнул – мало ли! У меня, конечно, есть вместительный сейф германской работы, можете пользоваться, милости прошу! Или обустроить в доме свой личный тайник, даже не ставя меня в известность... Но лучше всего, поверьте, отнести это золото в банк! По крайней мере, большую его долю. Правда, с вашим венгерским паспортом не всякий банкир, скажу вам откровенно, примет на себя такую ответственность... Впрочем, этот вопрос решаем! Если желаете, я тотчас же напишу письмо наследникам своего старинного знакомого, барона Штиглица¹⁰. Его банкирский дом весьма надежен, и я там, грешник, кое-какие деньги держу. Да и лишних вопросов, с учетом моего ручательства, задавать не станут. Так что, господин Агасфер, все складывается как нельзя более удачно: прогуляетесь, а Терентьев вас заодно в сей банкирский дом и препроводит! Скажу только, чтобы он второй револьвер взял...

Помолчав, Архипов взялся за написание рекомендательного письма, закончил его широким росчерком с кляксою и, помахивая бумагой в воздухе, чтобы просохли чернила, небрежно поинтересовался:

– Кстати, милостивый государь, а сами-то вы как к оружию относитесь? Не привили вам монахи к нему отвращения?

– Нет, – коротко ответил собеседник.

– Тогда могу презентовать вам кое-что из своего арсенала. Желаете?

– Не откажусь, господин полковник. Только, если можно, что-нибудь не слишком большое, чтобы не оттопыривало карманов...

В условленное время Агасфер и Терентьев встретились на широкой парадной лестнице. На отставном ротмистре был мундир темно-зеленого сукна и круглая шапка-боярка без козырька, с треугольными вырезами спереди и сзади. Кожаный пояс украшала кобура, а на лице вместо тонких подбритых щегольских усиков появились громадные растопыренные усищи.

⁹ Дукат – венгерская золотая монета весом 3,5 г, получившая широкое распространение в Европе. Наполеондор – французская золотая монета достоинством в 20 франков, чеканившаяся с 1803 года и имеющая хождение до сей поры.

¹⁰ Александр Штиглиц – один из самых известных банкиров и предпринимателей Санкт-Петербурга XIX века, был неоднократно избираем председателем Биржевого комитета, получил назначение председателя Коммерческого совета Министерства финансов. А его Коммерческий банк особым Указом Александра II получил статус Государственного. Любопытно, что, будучи вполне независимым человеком, чьи капиталы охотно принимались в самых разных странах, Штиглиц всегда отдавал предпочтение русским фондам. А на упреки в неосторожном доверии к русским капиталам всегда отвечал: «Я нажил свое состояние в России и готов потерять свою состоятельность вместе с ней!»

С лица Агасфера исчезла щегольская бородка-шкиперка польского образца – бритва пощадила лишь тонкие усы. Поскольку переодеваться ему пока было не во что, он так и остался в длинном темном пальто с двойным воротником и множеством карманов и клапанов и сером котелке с широкими, загнутыми вверх полями.

Пряча улыбку, Терентьев представил новому знакомому маячившего по ту сторону лестницы швейцара:

– А вот, господин Агасфер, рекомендую: наш бессменный Трофим! Имеет, к сожалению, прескверное обыкновение любопытствовать, стараясь оставаться при этом незамеченным! Трофим! Поди сюда! Это венгерский дворянин Миклош Ковач, гость и давний друг полковника!

Из-за лестницы тотчас же выскочил с поклоном человек неопределенного возраста, маскируемого бородой, широкой и окладистой, как у архиерея. Мало того, борода была двухцветной: черной, как вороново крыло, по краям и совсем седой в срединной части. Волосы на голове, разделенные на неровный пробор, были у Трофима и вовсе неопределенного цвета, полуседые-полупегие.

Одет он был, как все городские швейцары: фуражка с золоченым околышем, длинное пальто с золотыми же галунами и брюки навывпуск, также украшенные узким золотым лампасом.

– Как же-с, как же-с! Много наслышан, господин Ковач! Ваш пачпорт вчера я имел честь в околоток носить, с целью положенной регистрации! Готов служить верою и правдою! Любое деликатное поручение – завсегда готов-с! И супруга наша, Катерина – оченно аккуратный человек по женской части. Постирать, платье почистить али отгладить – обернуться не успеете, как все будет сделано! А его высокоблагородие ротмистр Терентьев – известный шутник и насмешник, господин Ковач, хи-хи! Оттого и его намеки на мою незаметность, что имеют происхождение от всемерного старания никоим образом не мозолить господам глаза!

Все это было произнесено скороговоркой, с непрерывными поклонами, отчего шикарная борода Трофима разъезжалась по всей ширине груди.

Пока Агасфер лихорадочно соображал, что бы произнести подходящее к случаю, или вовсе промолчать, Трофим этаким незаметным манером очутился у него за спиной и невесть откуда взявшейся щеточкой принялся бережно обрабатывать плечи и рукава его пальто.

– Хор-рош материалец! – продолжал стрекотать Трофим. – Сразу видно: польских мастеров работы пальтецо! В Варшаве изволили заказывать, господин Ковач?

– В Варшаве, в Варшаве! – Терентьев без особых церемоний оттер швейцара в сторону, сунул ему двугривенный. – Ты нам извозчика лучше сыщи, да поскорее!

– Извозчика? Сей момент! – Трофим кинулся к парадным дверям, без усилия распахнул трехсаженную створку и, придерживая ее, принялся зорко озирать улицу в оба ее конца.

Через пару минут искомый извозчик уже осаживал лошаденку возле подъезда, бормоча: «Пожа! Пожалуйте, господа хорошие!» Терентьев, пропустив вперед гостя, легко запрыгнул в пролетку следом. Ткнул ваньку тростью в ватную спину:

– Эй, борода! Банкирское заведение господина Штиглица знаешь?

– Как не знать! – Ванька поскреб бороду, соображая, сколько спросить за недолгую, в общем-то, поездку.

Однако Терентьев не дал извозчику времени на размышления:

– Там подождать немного придется, а потом поедем к Циммерману, на Большую Морскую, где ждать уже не надо будет – так что три гривенника, борода! Давай, трогай!

– Три гривенника! – закричал ванька. – Маловато, барин. Все так-то говорят – «немного, мол»! А зайдут, так и уснешь ожидаючи!

– Давай, давай, борода! Там поглядим!

Пролетка тронулась, оставив позади кланяющегося вслед Трофима и подскочившего дворника, на чьем лице было написано явное сожаление о том, что он не успел поприветствовать господ. Терентьев, поудобнее усаживаясь напротив Агасфера, хмыкнул:

– Имейте в виду, господин Агасфер: наш Трофим в Охранном, можно сказать, вторую службу несет! Если не первую... А вот дворник Серега – тот ничего! Тоже, конечно, обязан околоточному сообщать все интересные подробности о своих жильцах... Но, сами понимаете: одно дело из-под палки, по обязанности, а совсем другое – по велению души! Трофим-то, прости, Господи, его душу, ежели чего и не заметит, так догадается. Или того хуже – придумает! Так что прошу иметь в виду услышанное.

– Зачем же держать при доме этакого Иуду? – вырвалось у Агасфера. – Ежели господин Архипов знает про его «теплую дружбу» с охранкой?!

– Борода уж больно красивая у Трофима, – усмехнулся Терентьев. – Просто знатная борода!.. Ну а ежели серьезно, то пусть служит на здоровье! По меньшей мере знаешь, кто он и чем, как говорится, дышит. Можно ведь и не давать Иуде повода лишний раз в охранку с доносками бегать... А нового возьмешь – опять-таки долго присматриваться к человечку надобно. Да и один черт, завербуют: охранке в таком доме, как у господина полковника, все равно глаз да глаз нужен! Несмотря на то, что у нашего полковника сам директор Департамента полиции часто с дружескими визитами бывает. Да вы плюньте, господин Агасфер! Вам-то какая печаль? Не социалист, поди, не революционер... Лучше отмечайте перемены, какие в нашей Северной столице за два десятка лет произошли! Смотрите, к примеру, – сие есть конка!

Терентьев указал глазами на огромное нелепое сооружение темно-синего цвета, влекомое по рельсам двумя лошадьми.

Сооружение было необычайно похоже на железнодорожный вагон, на крыше которого высилась открытая площадка, огороженная решеткой в половину роста среднего человека – так называемый империял. И в верхней, и в нижней части вагона виднелись узкие поперечные скамейки, однако многие пассажиры, коим не хватило на них места, стояли в проходах, вцепившись руками кто в свисающие ременные петли, кто в огораживающую империял решетку с призывной надписью: «Пейте коньяк Шустова!»

На передней площадке царствовал кучер, разгонявший зазевавшихся пешеходов и встречных извозчиков отчаянным звоном колокола. Время от времени он принимался вертеть тормозное колесо, отчего все сооружение с грохотом и дребезжанием останавливалось. Тогда часть пассажиров покидали вагон через заднюю площадку, а их места тут же занимали новые.

Впрочем, положенной остановки дожидались не все: иные прохожие мелкой рысью догоняли вагон и запрыгивали на площадку на ходу и точно так же покидали конку в нужных им местах. На увещевания вагоновожатого, снующего по вагону и империялу с большой кожаной сумкой через плечо, внимание, как показалось Агасферу, мало кто обращал.

В банкирском заведении Штиглица все устроилось быстро и без особых хлопот – то ли благодаря стилю работы наследников знаменитого банкира, то ли письму полковника Архипова. Управляющий тут же предложил Агасферу два варианта сохранения сбережений: депозитное беспроцентное хранение в банковской ячейке, либо выдачу банковских векселей на сумму вклада. Оставив себе несколько дукатов «на счастье», а также небольшую сумму денег в рублях, Агасфер выбрал второе. Никаких вопросов ему задано не было.

Задремавший на козлах ванька был без церемоний растолкан и направлен к портному Циммерману, державшему мастерскую в четырех кварталах от банка.

По дороге Терентьев показывал Агасферу изменившуюся за два десятилетия Северную столицу, дома, появившиеся на ее центральных улицах за последние годы, обращал его внимание на особенности покроя мужской и женской моды. Не доезжая до заведения портного Циммермана пару кварталов, он предложил отпустить извозчика и немного прогуляться.

Несмотря на начало дня, улицы были полны самой разнообразной публикой. Торопливо или вразвалочку, в зависимости от чина, шагали чиновники различных ведомств – каждый в мундире положенного ему цвета, фасона и покроя. Пританцовывая, легко скользили по самым краям тротуаров приказчики и рассыльные. Деловито шагали в своей темно-синей униформе почтальоны с огромными сумками.

Однако больше всего на улицах было офицеров. От разноцветья их мундиров и блеска начищенных пуговиц, кокард и погон буквально слепило глаза. Наиболее яркой форма была у офицеров-гвардейцев – к тому же для большего шика многие из кавалеристов опускали шашки ниже колена, отчего на улицах стоял звон металла о камень.

У дверей портновского заведения Терентьев придержал Агасфера за локоть:

– Позвольте мне, несмотря на краткость нашего знакомства, дать вам совет... Если вы не сочтете это за дерзость, разумеется.

– Хорошие советы никогда не бывают лишними, Владимир Семенович. Слушаю вас, и готов им следовать!

– Гм, да... Но прежде один предварительный вопрос: если я ошибаюсь в своих предположениях, то совет будет несколько иного рода.

– Стало быть, ответ вам требуется искренний, и в моих же интересах? – Агасфер в упор поглядел на сросшиеся у переносья светлые брови Терентьева.

– Был бы вам за это чрезвычайно признателен!

– Итак?

– Господин Агасфер, вы ведь в прошлом офицер? Русский офицер?

– Гм... А позвольте, в свою очередь, поинтересоваться: с чего бы такой вывод?

Чувствуется офицерская косточка! Манера держаться, походка... Вот вы левой рукой, перед тем как в экипаж забраться, особый жест делаете – как будто саблю придерживаете! И еще: я совсем не случайно предложил вам сойти с извозчика за два квартала до портного и прогуляться. Извините, я внимательно наблюдал за вами, пытаюсь одновременно отвлечь вас разговорами на сторонние темы. И вы знаете, господин Агасфер, что я заметил? У вас типично офицерский, «набитый» взгляд! Вы не упускаете из виду всех встречных офицеров, и при виде старших невольно ровняете шаг, подтягиваетесь, расправляете плечи – однако тут же, вспоминая о своем нынешнем гражданском статусе, спохватываетесь, и ваша походка становится... ну, более развязной, что ли... Я не прав? Лезу не в свои дела?

– А вы очень наблюдательны, господин Терентьев, – вздохнул Агасфер. – Наблюдательны и... настойчивы. Но скажите-ка на милость, вам-то какая разница? Был я офицером, не был... Это мое прошлое, понимаете – *моё!* И я не обязан – вы только не обижайтесь, ради бога – раскрывать свое прошлое, свою душу перед первым, извините, встречным! Ну серьезно, господин Терентьев, мы ведь с вами в окопах не сидели, одной шинелишкой не укрывались, в атаки не ходили. Один день только и знакомы. Поверьте, жизнь человеческая – не оперетка, тут все серьезнее! И мое прошлое оставило мне много не слишком радостных воспоминаний! Может быть, когда-нибудь я и поделюсь ими с близким мне человеком. Но не сегодня... Кстати: я гляжу, у вас так и вертится на языке вопрос о моем необычном библейском прозвище. Прошу, Владимир Семенович, не задавайте этого вопроса, потерпите! Уж ежели оно совсем ухо режет – паспорт-то у меня мадьярский, соответственно и обращайтесь!

– Это вы меня простите, господин Агасфер! Простите и поймите: мной движет даже не любопытство. Единственное, к чему я затеял этот разговор – хотел предложить вам вместе со статским платьем заказать у Циммермана и военный мундир! Пользуйтесь случаем, черт возьми, – за счет полковника! Он ведь официально мне о сем перед выходом заявил-с.

– Мундир? Но для чего он мне?

– Ну, во-первых, как мне кажется, вам в нем будет удобнее. Во-вторых – да вы оглянитесь по сторонам, друг мой! На улицах Петербурга – сплошные мундиры! А в статском модном

платье ходят разве что господа социалисты! Ну, я не имею в виду, разумеется, рабочий люд и приказчиков в их поддевках, а также посыльных! Но в военном мундире вы сольетесь со всей этой многоликой толпой! Не будете от нее отличаться!

– А почему я не должен отличаться от толпы, господин Терентьев?

– Потому что такова специфика службы у господина полковника Архипова! – вырвалось у Терентьева.

– Не понимаю. Решительно не понимаю! – затряс головой Агасфер. – Почему служащий частного лица, коммивояжер, по сути дела, должен быть замаскирован?

– Еще раз простите, это уже не мой секрет, господин Агасфер. Единственное, что могу сказать – полковник некоторое время будет присматриваться к вам. Определять вашу пригодность и ваши способности к более серьезным делам, нежели розыски механических игрушек старых мастеров. А сейчас... Сейчас давайте забудем наш разговор! До поры до времени... Прощу вас! – И Терентьев распахнул перед спутником дверь портновской мастерской с глухобрякнувшим колокольчиком.

Помедлив, Агасфер шагнул в помещение, где бегали, дрались и самозабвенно играли не менее десятка «разнокалиберных» портновских детей. Царствовал над всем этим бедламом, усевшись по-татарски на обширном столе, заваленном кусками материи, старый еврей в ермолке. При виде посетителей ребяшня мгновенно смолкла, а после грозного отцовского окрика порскнула за шторы.

Портной тоже довольно-таки проворно для своего возраста соскользнул со стола, сбросил с двух ближайших кресел куски материи и полуготовые изделия, прошитые белыми нитками, и разразился бойким местечковым речитативом, приветствуя гостей.

Послушав его минуты три, Терентьев властно поднял руку:

– Соломон, тебя и за полдня не переслушаешь. А ведь мы к тебе по делу. Вот этого молодого человека надо одеть по последней парижской моде. Имей в виду, это дальний родственник хорошо известного тебе господина полковника Архипова. Поэтому ты уж, братец, расстарайся.

Соломон Циммерман всплеснул руками: царица небесная, дева Мария! Да для господина полковника все что угодно! Господин желает заказать летнее платье? Межсезонное? На всякие жизненные ситуации? Тогда вы пришли в правильное место, достопочтимые господа офицеры!

В мастерской поднялась невиданная суета. Откуда-то из подсобок появились двое подмастерьев, увешанные матерчатыми метрами. Агасфера почтительно поставили на низкую скамеечку и принялись хлопотать вокруг.

Узнав, что своего материала свалившиеся на голову клиенты не принесли, Циммерман возликовал еще больше. Один из подмастерьев был немедленно послан в соседний магазин за последними образцами самых наимоднейших расцветок и самого высокого качества.

Суета усилилась, когда из магазина прибыли посланцы с несколькими образцами тканей. Образцы Циммерманом были немедленно забракованы, высмеяны, а приказчики отправлены обратно со строжайшим наказом принести самое лучшее из последнего привоза.

Через полтора часа Терентьев и Агасфер покидали мастерскую, провожаемые бесконечными благословениями и пожеланиями счастья и благополучия как циммермановского семейства, так и прибежавшего на шум соседа-галантерейщика. Вид у Агасфера был несколько усталым – будто он вскопал пару-тройку десятин земли в монастырских садах. Терентьев же, посмеиваясь, предложил выбор: либо тотчас же взять извозчика и ехать по намеченным утром объявлениям о продаже «хитроумных старинных механических изделий», либо сначала отобедать в ближайшей приличной ресторации.

– Впрочем, давайте-ка пока у почты притормозим, – вдруг предложил бывший ротмистр. – Совсем забыл, что долги время от времени возвращать надо. А «литовские кредиторы» – люди серьезные и злопамятные. Никак нельзя про них забывать!

– Литовские кредиторы? – удивился Агасфер. – Про евреев-заимодавцев слышал, про скопцов, которые в долг под зверские проценты дают, знаю. А вот про литовских – ей-богу, не слышал. Впрочем, 20 лет отсутствия в Петербурге – срок немалый. Очень многое, конечно, тут изменилось.

– Не слышали? Ну и слава богу, что не слышали! – Терентьев закусил губу, словно проговорился о чем-то запретном, и, хлопнув извозчика по ватному плечу, выскочил из экипажа.

В почтовую контору он сходил один и вернулся довольно быстро.

– Ну-с, теперь и желудочные потребности удовлетворить надобно! – бодро заметил он. – Эй, борода, где тут ближайшее приличное заведение?

Таковым оказался один из ресторанов Палкина, однако, когда извозчик стал притормаживать лошаденку перед огромными застекленными дверями, Агасфер, оглядывая толпу у входа, засомневался:

– Может, еще куда поедем, Владимир Семенович? Народу-то сколько! Пока достоимся, и ужинать пора настанет...

– А это очень даже хорошо, что народ стоит и дверь закрыта! – жизнерадостно воскликнул Терентьев, легко перемахивая через край экипажа и приглашая следовать за ним. – Сейчас мы с вами проведем эксперимент, который может вам показаться несколько обидным, но в целом окажется поучительным! Пойдемте, пойдемте, милостивый государь!

Терентьев легко оттер плечами клубившихся перед запертой дверью молодых и не очень людей в модных визитках и смокингах, с непременными тросточками в руках, и властно постучал перстнем в зеркальное стекло, за которым маячила спина швейцара. Тот, не оборачиваясь, только отмахнулся: недосуг, мол... Терентьев, постучав громче, ловко укрылся за спинами прочих желающих попасть к «Палкину».

Швейцар, насупив брови, наконец-то соизволил обернуться, вычислил набитым взором стоявшего у самых дверей Агасфера и укоризненно покачал головой. Приблизив заросший густыми усами и бородой рот к щелке в двери, он выговорил:

– Нешто неграмотным будете, господин хороший? – и указал рукой на массивную табличку, закрепленную на одной створке двери:

К сожалению, вход в ресторацию – только по предварительной записи!

Не успел Агасфер и рта раскрыть, как вперед выступил Терентьев.

– Ты что же это, братец, совсем ума лишился?! Ты перед кем, насекомое, дверь запираешь?! – Он подкрутил свои «зверские усы» и шархнул носком сапога по двери так, что она жалобно тренькнула.

Испуганный швейцар уже снимал с дверей цепочку:

– Извините, ваше благородие! Не узнавши... А вы все назад осадите! Назад! Его высокоблагородие господин ротмистр третьего дня записаться на обед изволили!

Стягивая перчатки, Терентьев продолжал допрашивать съездившегося швейцара:

– Хамье! Кто из мэтров сегодня работает? Василий? Позвать!

А метрдотель уже спешил навстречу, делая приглашающие жесты.

– Давненько, давненько честь не оказывали, ваше высокоблагородие! Я как раз намерен вспоминать: что-то позабыл нас господин ротмистр Терентьев! И своих пытал: никак его высокоблагородие обиделся на кого-то за неуслужливость? В общей зале изволите столик выбрать али кабинетик освободить для вашего высокоблагородия?

– Некогда нам сегодня по твоим клоповникам рассиживаться, Василий! Прикажи где-нибудь в приятном уголке столик накрыть, да стулья лишние убрать!

– Сей момент! – метрдотель словно растворился в воздухе. И тут же рядом появился официант, с почтительным поклоном указывающий на уютный столик в углу.

– Господам там будет удобно! – шепнул он.

Хрустя крахмалом, над столом взметнулась свежая скатерть, на ней мгновенно появились шандал с двумя свечами, приборы, изящно завернутые в такие же накрахмаленные салфетки. Метрдотель Василий с толстой, красного сафьяна, папкой меню в руках, подобострастно осведомился:

– Чем угощать прикажете? Волжская рыбка имеется, пулярки нынче у повара необычайной вкусноты и нежности...

Терентьев протестующе поднял руку, сделал скромный заказ и в упор поглядел на спутника, отрешенно глядевшего куда-то в угол.

– Простите за наглядность, господин Агасфер! Никак не желая произвести на вас впечатление своим нахальством завсегдатая, я все же, как мне кажется, сумел убедить вас в том, кто является истинными хозяевами Петербурга. Сумел? Вспомните толпу светских бездельников у входа, вспомните отношение к ним здешней obsługi... К сожалению, не сумел продемонстрировать вам – это случится через пару-тройку часов, в сумерки – как многочисленные агенты Охранного отделения, которыми заполнен город, будут провожать каждого из этих франтов подозрительными взглядами, многих возьмут на заметку, а кое-кого и вовсе сволокут в участок на предмет выявления лояльности к властям предрежащим... И совсем другое дело – офицеры! Опора трона! Санкт-Петербург, господин Агасфер, – город чиновников и офицеров! При чем офицерам отдается предпочтение – пока чиновники решают свои и государевы вопросы в своих многочисленных присутствиях под сенью пальм и сикомор!

– Намек ваш понял! – усмехнулся Агасфер. – Но позвольте все же возразить! Все-таки разница чувствуется – почтенный мажарский подданный с настоящими документами – и фигляр, щеголяющий в мундире, который достойные люди зарабатывают кровью и беззаветным служением престолу!

– Сомневаетесь насчет подлинности отпускных билетов?¹¹ Напрасно! У Андрея Андреевича Архипова прекрасные связи в большинстве штабов! Это не проблема!

– А к чему бы полковнику Главного штаба плодить самозванцев?

Терентьев шутиливо поднял руки, как бы сдаваясь и одновременно показывая, что вопрос не относится к его компетенции.

– Давайте все-таки перекусим. Нам еще предстоит поход за предметами старины по выбранным объявлениям. Впрочем, я сомневаюсь в успехе нашей нынешней экспедиции. Скорее уж, разведка боем. Настоящие раритеты фигурируют в газетных объявлениях достаточно редко.

– Зачем же мы идем?

– Кто знает, господин Агасфер? Кто знает...

– Потеряем время, получим нагоняй от господина полковника.

– Насчет нагоняя не беспокойтесь! – успокоил Терентьев. – Андрей Андреевич прекрасно знает статистику удачных поисков.

– Между тем в разделе объявлений «Петербургского листка», на который мне удалось взглянуть, попадались и более перспективные объявления, нежели выбранные вами, господин ротмистр! Впрочем, я дилетант в вопросах старины и вполне могу ошибиться...

– Вот как? И что же вам запомнилось?

– Мне показались более привлекательными объявления на второй странице, в левом верхнем углу. Ну, которые начинались практически одинаково: «С грустью извещая всех заинтересованных лиц о скоропостижной кончине любимой тетушки, наследники назначают распродажу дивной (во втором случае – бесценной) коллекции предметов старины...» Или вот, на четвертой странице: предпоследнее в крайнем левом столбце...

¹¹ Запасно-отпускные билеты выдавались всем офицерам русской армии, увольняемым в запас. Других документов от офицеров, даже в случае их проверок, не требовалось.

Терентьев недоверчиво поглядел на собеседника:

– Насколько мне помнится, вы держали тот номер газеты в руках не более двух минут. И хотите сказать, что запомнили эти объявления?!

– Почему же только эти? – усмехнулся Агасфер. – Я, кажется, рассказывал вам, как и полковнику, что за много лет напряженных трудов в монастырской библиотеке, благодаря усиленной тренировке и особой методе запоминания, выработал необычный навык чтения. Этот навык, впервые упомянутый швейцарским лингвистом Гершелем, позволяет охватывать зрением не отдельные слова или даже абзацы, а весь текст, помещенный на странице...

– Погодите... Вы хотите сказать, что, просмотрев несколько листов незнакомой вам книги или газеты, вы в состоянии все это запомнить?..

– Не хочу бахвалиться, Владимир Семенович, но не несколько листов, а две-три главы. Причем на любом из знакомых мне европейских языков. Запомнить и дословно воспроизвести...

– Простите, но верится с трудом... Вы позволите небольшую проверку? Эй, человек, принеси-ка сюда быстренько любую сегодняшнюю газету! Сегодняшнюю, дурень! Ага!

Бывший ротмистр развернул свежий номер «Голоса», сложил его пополам и протянул Агасферу:

– Извольте! Меня, к примеру, интересует корреспонденция из Херсона! В середине листа...

Он достал карманные часы, щелкнул крышкой:

– Сколько вам, говорите, потребуется времени?..

Агасфер взял газету в руки, развернул и, прищурясь, принялся рассматривать желтоватый лист. Терентьев следил за секундной стрелкой своего хронометра и был весьма разочарован, когда через минуту с четвертью Агасфер сложил газету.

– И это все? – недоверчиво спросил он.

– Желаете проверить? – пожал плечами Агасфер.

Сохраняя на лице недоверчивое выражение, Терентьев пробежал глазами несколько заметок и возгласил:

– «Консул Григорий...»

– «Консул Григорий Степанович Щербина, о смерти которого сообщает телеграф, уроженец города Чернигова», – монотонно продолжил Агасфер. – «Среднее образование он получил в черниговской гимназии, а высшее – в московском Лазаревском институте». Тут грамматическая ошибка, господин Терентьев! – название учебного заведения с прописной буквы писать надобно!

– Довольно! А вот это, к примеру: «Новая механическая пушка. На днях в Лондоне...»

– «...производилось двумя американскими генералами испытание нового механического орудия “Кливленд”. Орудие весит 450 фунтов и выпускает с одного завода 25 зарядов в 1 ф. весом. При испытании пушка делала 800 выстрелов в минуту, без нагревания дула...»

– Довольно! Вы просто феномен, господин Агасфер! Если это, конечно, не какой-либо трюк наподобие циркового!

– Помилуйте! Какой же тут цирк! На ваших глазах все делается!

– Восхищен вашей скромностью, но не могу, не имею права скрывать от господина полковника сии сверхъестественные способности! Хотите вы или нет, я обязан доложить ему о подобном феномене!

– Да я, собственно, ничего и не скрывал, – пожал плечами Агасфер. – Сам могу рассказать...

За обедом Терентьев выпил пару лишних рюмок, без конца шутил, много рассказывал о своем армейском прошлом. И, как показалось Агасферу, просто беспардонно лез к нему в душу, стремясь поскорее стать своим «в доску». Однако некая фальшивинка в новом приятеле

все-таки чувствовалась. Развивший в себе за 20 монастырских лет большую наблюдательность, Агасфер чувствовал в Терентьеве напряженность – сродни постоянному опасению сказать что-то лишнее.

Что стояло за этим, Агасфер пока не понимал. Но старался не «подыгрывать», не изображал готовность немедленно стать «поверенным в секретах и сердечных делах».

После четвертой рюмки Терентьев, доверительно подвинув стул поближе и понизив голос, многозначительно поинтересовался – как у Агасфера обстояли в монастыре дела с «женским вопросом»? Дело-то житейское – не может же молодой мужчина много лет, вопреки физиологии, обходиться без женского пола? А другие монахи? Наверняка монастырские стены – ну признайтесь, господин Агасфер! – не столь уж неприступны в этом плане. Неужели в монастыре не было ни прачек, ни прочей, иногда и специально содержащейся для подобных целей, женской obsługi?

– Совсем-совсем не было? Но ведь человеческое естество никуда не денешь и ничем, простите, «грех воздержания» не замолишь!

Или через минуту:

– А верно ли говорят, что в таких чисто мужских сообществах чрезвычайно развиты противоестественные интимные связи?

Не добившись от собеседника исчерпывающих ответов, Терентьев тяпнул пятую рюмку и заговорщицким тоном предложил Агасферу нынче же – а чего откладывать, дело-то солдатское! – совершить «набег» на «приличный бордель»!

– Нет, в самом деле, дружище, так же нельзя, – бормотал он в ухо Агасферу. – Ненадолго «выпустить на волю» мужскую плоть – это же так естественно! Да вы, после стольких лет воздержания, произведете фурор в любом публичном доме! Извините, но местные красотки вас просто на руках носить будут!

Агасфер молчал. У него были свои соображения на сей счет, однако он вовсе не желал раскрываться перед кем попало. Терентьев же продолжал бубнить:

– В конце концов, мой друг, ежели вам противно само понятие продажной любви под крышей борделя, мы можем придумать нечто особенное. Я, к примеру, знаю в Петербурге несколько «домов свиданий» с приличными хозяйками... Боже упаси – никаких проституток! Верьте слову, – туда заглядывают даже дамы из высшего общества! Хорошо сохранившиеся вдовы, но главным образом – молодые жены престарелых и бессильных в мужском смысле сановников, а также скучающие «амазонки» и желающие разнообразия шалуни. Даже гимназистки, в ком рано проснулось женское начало...

– Гимназистки? Маленькие девочки? – Агасфер круто повернулся к собеседнику всем телом.

– Ну-у, не такие уж они и маленькие. – Терентьев закинул руки за голову, сцепил на затылке пальцы, прикрыл глаза и сладострастно причмокнул губами. – Все, знаете ли, при них – и тут, и попки... А всего-то, дурочкам, только и надо, что порцию некоего снадобья! Порошочек такой, из Америки привозят. У знакомых аптекарей можно запросто раздобыть – если, конечно, знать, к кому обратиться.

– Из Америки? Да, я знаю. Кокаин называется. А листья кустов, которые местные аборигены жуют, называются кокой...

– Дружище, так вы знаете эту штуку?! – Терентьев откинулся на спинку кресла. Его ноздри стали быстро раздуваться и опадать, словно соблазнительный порошок уже ударил ему по мозгам. – Пробовали? Слово крылья вырастают... Становишься смелым, раскрепощенным...

– Хватит, господин ротмистр! Сам я, слава богу, не пробовал, но действие коки знаю. И к гимназисткам я вам, извините, не попутчик. И вообще, разговоры на эту тему мне достаточно неприятны. Вот представьте себе, что ваша дочь в самом цветущем возрасте приобщается не

только к «взрослой» жизни, но и готова отдать свое юное тело за порцию дьявольского порошка опытному бонвивану! Я бы на месте родителя просто растерзал бы негодяя! Впрочем, я старше вас, вам родительские чувства, поди, и неведомы...

– О-о, вот только давайте без этих *moralite*, господин Агасфер. Терпеть, знаете ли, не могу, от кого бы то ни было! – сверкнул глазами Терентьев. Однако тут же, словно спохватившись, заговорил вполне миролюбиво: – Ну, не желаете, и Бог с вами. Но напрасно, напрасно, дружище. Я ж говорю: полная тайна, полумрак и даже маски – сродни маскарадным! И никакого даже намека на деньги! Ну, хозяйкам таких салонов, понятное дело, немножко надо деликатно сунуть. Должны же они на что-то жить – но все настолько прилично и культурно, что чувства неловкости не возникает! Клянусь!

– Простите, господин Терентьев, но пока... пока я просто не готов к такому времяпрепровождению. – Агасфер почувствовал, что у него начинают пылать щеки. – Как-нибудь позже... Может быть... А нам к тому же сегодня предстоит еще делать обещанные господину полковнику дела. Извините, конечно, – коли вы непременно желаете – ради бога. Но нынче – без меня!

Терентьев резко отодвинулся, посмотрел на Агасфера долгим взглядом и пробормотал что-то невнятное. Собеседнику послышалось: «евнух несчастный!» Махнув рукой и сбив при этом со стола шестую рюмку коньяку, Терентьев отодвинулся, затем, помолчав, громко потребовал счет.

– Вы совершенно правы, господин Агасфер! – неожиданно трезвым, но с некоторой грустинкой в голосе произнес он. – Сначала, конечно, дело. Пустяки подождут-с!

ГЛАВА ПЯТАЯ

– Нет, вы мне можете вразумительно объяснить, Андрей Андреевич, отчего так происходит? Половина Санкт-Петербурга, не меньше – немцы по крови! – Человек с густыми щетилистыми усами и бритым подбородком неторопливо взболтал в широком бокале коньяк, прищурившись, поглядел сквозь янтарную жидкость на свет, сделал короткий глоток. – По моим сведениям, в Северной столице на сегодняшний день 93 тысячи немецких переселенцев, которые компактно проживают в 8 колониях – Шуваловской, Гражданке, Ново-Саратовской, Среднерогатской, Колпинской, Эдиопе, Стрельнинской и Кипени. Да, Константин Эдуардович¹² уверяет нас, что среди этой без малого сотни тысяч немцев практически нет шпионов Большого Генерального штаба Пруссии. Допустим! Но скорее можно допустить и другое: начнись, не дай Господь, война – и все эти этнические немцы механически превратятся в пятую колонну! Крайне серьезная сила! Или вы полагаете, Андрей Андреевич, что упомянутые девяносто с лишком тысяч немцев будут сражаться на русской стороне против собственных братьев по крови? Чушь!

Лопухин, товарищ прокурора Московского окружного суда, с вызовом поглядел на директора Департамента полиции Сергея Эрастовича Зволянского. Сам он слыл человеком крайне осторожных взглядов. Никто не отрицал, что на «четверги» Архипова Лопухин ходил неохотно, больше отмалчивался, а если и высказывался, то несколько туманно.

Однако в нынешний четверг, как успел шепнуть хозяину дома Зволянский, в Лопухина словно черт вселился! Агрессивен, категоричен... Вот и сейчас, криво усмехнувшись, он с вызовом закончил:

– Так что же, милостивые государи, гнать взашей всех немцев из России прикажете? А на каком, позвольте спросить, основании? Только из-за наличия у людей немецких корней?

Чуть сдвинув штору окна, возле которого витийствовал, Лопухин окликнул хозяина:

– Андрей Андреич, можно вас на минутку? Насколько я понимаю, это Терентьев из дома вышел, не правда ли? А вместе с ним, в статском, ваш новый помощник?

– Совершенно верно, Алексей Александрович.

– Ага! Как вы его изволили отрекомендовать – Агамемнон, что ли? И знаете, господа, насколько я вижу, у него тоже вполне немецкий тип лица!

– Во-первых, он мадьяр – во всяком случае, по документам, Алексей Александрович. Во-вторых – не Агамемнон, а Агасфер. Не путайте, батенька, библейскую историю с древнегреческой. – Архипов еле заметно подмигнул Зволянскому.

Тот немедленно подскочил к окну, глянул вслед садящимся в извозчичью пролетку мужчинам и тут же, словно забыв о них, загорячился, продолжая начатую с Лопухиным пикировку:

– При чем здесь национальные корни? Экономическая экспансия немецкого предпринимательства в России тотальна, и в первую очередь – в военно-промышленный сектор. Вы статистике верите, Алексей Александрович? Так вот, по утверждению наших отечественных статистиков, в России на сегодняшний день создано и успешно работают около 450 фирм с австро-германским капиталом. И обратите внимание: где они прилагают свое тщание? Не в сапожной либо кожевенной промышленности! Главная сфера их внимания – электротехническая, металлургическая, судостроительная и чисто военная промышленность. А знаете ли вы, милостивый государь, где сосредоточены усилия по «титанической помощи» немцев и австрияков русской экономике? Производство и продажа швейных машин «Зингер», страховое и справочное дело!

¹² Вельбицкий К. Э. – начальник Охранного отделения Санкт-Петербурга в описываемое время. Охранное отделение – структурное подразделение Департамента полиции Министерства внутренних дел.

– Чем же сапожное дело отличается от швейного? – подбросил «уголька» в топку спора Архипов. – Кстати, «Зингер и К^о», насколько мне известно, вообще американское акционерное общество.

– Действительно! – фыркнул Зволянский. – Но почему тогда главные учредители этой компании проживают не в Нью-Йорке, а в Гамбурге? Почему акции этой компании не котируются ни на одной международной бирже? Почему именно «Зингер» применил в России, насколько я слышал, беспроволочный телеграф для передачи секретных сведений? Не уверен, что правильно назвал это техническое новшество – но позвольте спросить: если это так, то на кой черт оно сдалось трудолюбивым русским домохозяйкам и их техническим «благодетелям»? Впрочем, это можно обсуждать бесконечно. Андрей Андреич, я, с вашего позволения, отъеду часика на полтора, хорошо? Пару слов вот только вам по секрету шепну – и отъеду...

Смягчив улыбкой возможную обиду прочих гостей на «секретничанье», директор Департамента взял Архипова под локоть и повел к выходу из библиотеки.

– Позвольте вам доложить, что у вас в доме, уважаемый Андрей Андреевич, с некоторых пор обитает соглядатай господина Люциуса!

– Чушь! – чуть не споткнулся от неожиданного известия Архипов. – Я своих людей десятилетиями знаю, каждому доверяю! Голову готов прозакладывать!

– Доверяете? – грустно усмехнулся Зволянский. – Что ж вы так неосторожно свою голову бедовую на кон ставите, а?

– Вы на что намекаете? – встопорчился Архипов. – Извольте объясниться, ваше превосходительство!

– Изволю, изволю! – проворчал Зволянский, с громким сопением доставая из внутреннего кармана сюртука объемистый портмоне. – Видит Бог, не хотел! Сам, думаю, выслежу подлеца и вам на блюдечке преподнесу... Но коли вы так на дыбки становитесь... Тогда уж давайте вместе искать!

Директор Департамента наконец выудил из кармана портмоне, а из него – сложенную в несколько раз бумажку, каковая оказалась обрывком ресторанного счета, на котором, помимо цен за заказанные блюда, имелась надпись химическим карандашом, сделанная по-немецки:

Respektvoll zu informieren, dass im Haus des Oberst A. heute ein neues Mensch erschien. Ascheinend – ehemaliger oder amtierender Offizier, der Kriippel – keine linke Hand. Magyar? Warte auf weitere Befehle N¹³.

– Вот видите, как оно получается? А вы головой ручаетесь, Андрей Андреевич! Завелся, завелся «подсадной» в вашем доме. А вот кто он – вот вопрос! Записка сия попала ко мне сегодня. Случайно, скрывать не хочу! Хоть вы меня и костерите, господа, обвиняете в том, что директор Департамента полиции никого, кроме социалистов и бомбистов, не наблюдает и наблюдать не желает, однако сами видите – и за немчиками присматриваем-с. А уж за фон Люциусом – в оба глаза. Осторожненько так присматриваем – потому как «волчара» битый, опытный. Наружку за три версты в грозу с градом чувствует! А вот нынче утром «прокололся» наш «волчара»!

Зволянский остановился у выхода из библиотеки, достал из кожаного портсигара сигару, отрезал карманной гильотинкой кончик, лизнул отставший лист, со вкусом прикурил и продолжил:

– В «Асторию», где наш Люциус жительство имеет, я, грешник, внедрил нескольких опытных агентов. Ну, кто они – вам, Андрей Андреич, извините, знать не обязательно. Довольно и того, что они есть. И вот сегодня утром один из «наружняков» заметил, что некий

¹³ Почтительно сообщая, что в доме полковника А. сегодня появился новый субъект. Судя по всему – бывший или действующий офицер, калека – нет левой руки. Мадьяр? Жду дальнейших распоряжений. Н. (иск. нем.)

субъект, по виду спившийся тапер¹⁴, суетится возле вышедшего позавтракать Люциуса. Что-то кланчил якобы, но и бумажку сунул ему – за что получил от скуповатого немца мелкую мзду. Поскольку бумажка была мятая и засаленная, то брезгливый немец засунул двумя пальцами ее в карман, да и не до конца, уголок торчал наружу. Ну, тут уже «наружняк» не растерялся и быстро нанял мальчишку-карманника. А тот в лучшем виде, как говорится, исполнил «литерное мероприятие»!

– И кого у вас только на службе нет, – невольно улыбнулся Архипов.

– Рано смеетесь, уважаемый Андрей Андреевич! – укоризненно пыхнул ароматным дымком Зволянский. – Во-первых: как долго продолжается эта связь «Люциус – тапер»? Второе: неизвестный корреспондент ставит под вопрос национальное происхождение вашего Ковача-Агасфера, но, заметьте, уверенно называет его офицером, бывшим или действующим. Каковос?

– Признаться, есть в Агасфере что-то такое, – в задумчивости ухватился за бороду Архипов. – Военная косточка, что ли... Вот и Куропаткин клянется, что ему лицо нашего Агасфера знакомо.

Зволянский хмыкнул:

– Значит, не один наш неизвестный «доброжелатель» на это внимание обратил.

– Неуловимое такое сходство, – вслух размышлял Архипов. – И напрямую спрашивал я его – не говорит! И аббат Девэ ничего по этому поводу не сообщил – вот незадача! Хоть садись и поезжай к нему. Есть, есть у человека какая-то тайна – но что прикажете? Под пыткой спрашивать? Калека, опять-таки... И аббат – хоть режьте, а ему я верю! Не мог он случайного человечка ко мне прислать. Не мог! Что же касается вашей версии, господин директор, то я не вижу в ней логики. Разве внедренный в дом агент будет сам на себя доносы писать? Нет, тут что-то не то! Ерунда все это!

– Ну, милостивый государь, не такая уж и ерунда, если разобраться. Есть такой маскировочный прием! Хотя я, признаться, и сам в это слабо верю, но с вашим Агасфером не худо бы побыстрее определиться. Это не менее важно, чем найти и обезвредить в вашем доме вражеского агента! А ведь он есть. Допустим, не Агасфер, но кто тогда?

Зволянский быстро прошелся по библиотеке и остановился перед Архиповым:

– Три дня у вас в доме чужой человек живет, Андрей Андреич, а мы о нем ничего не знаем. Ну, это, я полагаю, поправимо! – Он затушил сигару, ободряюще тронул Архипова за плечо. – Мысль у меня одна появилась – простенькая такая, как раньше не догадался! Вот сгоняю сейчас к человечку одному – и, Бог даст, все узнаем. Насчет Агасфера, я имею в виду. А потом и «подсадных» из нашего «гнезда» выводить начнем. В общем, я поехал, а вы меня тут как-нибудь «прикройте». И первое дело – перед благоверной моей!

Неожиданные отъезды директора Департамента полиции на самом деле давно в этом доме неожиданностью быть перестали. Решил отлучиться – значит, неотложное что-то появилось. Вернется – наверняка расскажет что-то интересное...

Архипов на правах внимательного и хлебосольного хозяина дома переходил от одной группы гостей к другой. Его традиционные «четверги» практически ничем не отличались от прочих приемов и «суаре», коими был заполнен досуг петербургского высшего общества. Гости, как правило, съезжались к 8 часам вечера, с женами и взрослыми дочерьми на выданье.

Гости полковника представляли собой весьма сложный конгломерат, состоявший из руководства военного министерства, министерства иностранных дел, в чьих руках были сосредоточены основы сведений политического, экономического и военного характера, поступавшие из-за рубежа. Сбором сведений государственного значения занималось и Министерство

¹⁴ От французского «taper» – букв. «стучать, хлопать» – так в начале XX века называли музыкантов, преимущественно пианистов, сопровождавших своей игрой танцы, немые фильмы и т. д.

финансов, у тех была собственная агентура – финансовые агенты и представители банков. Сведения, собираемые духовными миссиями Русской православной церкви, добавлял в «общий котел» даже Святейший синод.

Отсутствие централизации – специального контрразведывательного ведомства – было одной из особенностей России. На политической карте мира она оставалась абсолютной монархией с самодержавной формой правления. В России не было законодательных органов, а наличествовал лишь *законосовещательный* Госсовет. Исполнительную власть осуществляли 11 министерств, причем каждый руководитель ведомства ревниво сохранял самостоятельность и докладывал о своих успехах и неудачах самому царю. При этом для «всеохватности» руководители министерств вынуждены были постоянно увеличивать свой административный аппарат. Считается, что на рубеже XIX–XX веков Россия имела самую большую в мире бюрократическую аппаратную прослойку во всем мире – около полумиллиона чиновников.

Не все сильные мира российского, собиравшиеся у полковника Архипова по четвергам, осознавали необходимость создания единого контршпионского ведомства. Каждый видел борьбу по-своему. Иногда это понимание было близким к общему, но чаще высшие иерархи Санкт-Петербурга рассматривали борьбу с врагом всяк со своего «наместа». Полагая при этом, что бороться должен кто-то другой, но никак не аппарат его ведомства.

Разновеликость и пестрота составляющих предтечу единого противошпионского ведомства, о создании которого мечтал Архипов, вынуждали его быть предельно внимательным при обсуждении планов на будущее. Общество, собиравшееся в его особняке, хоть и обсуждало текущие проблемы России, практически никогда не представляло собой хотя бы отдаленное подобие «общих пленарных» заседаний. Это было бы безумием; ну как прикажете ратовать за создание единого центра в присутствии главных его противников, людей великого реформатора и сторонника строжайшей экономии финансов Витте? Но знать о том, что опасность ухода за рубежи отечества сведений военного и экономического характера все еще беспокоит «неразумных растратчиков» – это Сергею Юльевичу было полезно!

Архипов не сомневался, что после каждого такого «четверга» его гостя из Минфина неизменно вызывают на «ковер» к Витте и подробно расспрашивают о замыслах и задумках «заговорщиков».

Так что «костяк» будущей контрразведки собирался на короткие обсуждения по тем же четвергам «посекционно», и каждый из «заговорщиков» знал только то, что ему было положено знать. Что же касается скептиков и умеренно сочувствующих идее, то к их услугам были карточные и бильярдные столы, великолепные вина и творения поваров из ближайших модных ресторанов.

А чтобы дамская «составляющая» не скучала, для них приглашались модные в Северной столице оркестры, а в гвардейские полки и батальоны заботами военного министра Ванновского рассылались «пригласительные билеты» для молодых офицеров.

В самом доме приглашенное общество, как уже было сказано, разделялось. Внимательный наблюдатель мог бы без труда заметить некоторые странности, присущие этим четвергам. Дамы и офицеры «оккупировали» два больших зала особняка – там гремела музыка, ловкие официанты разносили шампанское, столы с белоснежными скатертями ломились от обилия яств, выставляемых хлебосольным хозяином дома.

«Исюминкой» было открытие дважды в месяц знаменитого на весь Петербург музея механических диковин – чаще отставной полковник, как его ни просили дамы, посетителей, за редчайшими исключениями, не пускал.

Посмеиваясь, Архипов всякий раз напоминал просительницам, что постоянно повторяющееся чудо перестает быть таковым, ссылаясь на бесконечные поломки сложной старинной техники и на необходимость частого ремонта и реставрации оной.

Впрочем, у него в доме был и еще один, весьма завлекательный для посетителей разного возраста зал – так называемый охотничий. В юности Архипов принимал участие во многих военно-географических и исследовательских экспедициях и привез с собой из азиатских и африканских походов не только великое множество чучел диких зверей, диковинное оружие, маски, но и весьма экзотического «хранителя» своего музея – невысокого горбатого и смуглого туземца неопределенного возраста, покрытого с ног до головы татуировками и шрамами. То ли для вящей демонстрации явных следов когтей и зубов, то ли для того, чтобы шокировать дам, туземец появлялся перед ними исключительно в короткой набедренной повязке из куска шкуры. Живописную картинку дополняли амулеты, висевшие у туземца на шее, а также воткнутые в его ушные раковины и даже в нос.

По-русски туземец то ли вовсе не говорил, то ли не желал разговаривать (кое-кто из дам даже утверждал, что полковник спас его от гнева какого-то свирепого вождя в тот момент, когда палачи уже отрезали несчастному язык).

Пока сильные мира сего, их жены и дочери развлекались, в библиотеке полковника собирались как раз те немногие чины петербургского общества, ради которых эти четверги и устраивались. Те, которых не на словах, а на деле беспокоило засилье иностранной военной агентуры и ее активность в России. Те, кто понимал, что для противодействия ей нужна единая, мощная и без ограничений финансируемая контршпионская организация с самыми широкими полномочиями. Иначе говоря, контрразведка. Однако, несмотря на вполне очевидный вред шпионства, в анналах начала XIX века борьбы с ним в России зафиксировано практически не было... Во всяком случае, на государственном уровне.

Кинув хозяйский взгляд на столы, обеденные и подготовленные для карточной игры, Архипов сделал несколько деловых замечаний нанятому на вечер метрдотелю, глянул на часы и направился в Малую библиотеку, отделенную от основной замаскированной под стеллажи перегородкой. Это было любимое место для размышлений Андрея Андреевича, и только самые близкие его друзья знали секретный рычаг, сдвигающий фальшивый стеллаж.

Расположившись в глубоком уютном кресле, Архипов в который уж раз с грустью подумал о том, что созданию в России столь нужной ей контрразведки мешают самые разные обстоятельства. Как говорится, от великого до смешного...

Основополагающую роль в противодействии созданию контршпионской организации сыграла, как ни странно, затеянная еще предыдущим государем, Александром II, военная реформа. Ее необходимость, продиктованная поражением России в Крымской войне, была очевидна: главными целями реформирования было сокращение русской армии в мирное время, способность быстро ее разворачивания в военное, смена дедовских систем вооружений современными.

Про смешное тоже сказано недаром: обновление армии началось... с формы! Первое, за что принялся сентиментальный Александр II, была смена военных мундиров! Трудно поверить, но начало царствования нового государя было ознаменовано изданием более 60 приказов, меняющих цвет мундиров, погоны, кантики, кокарды, пуговицы... Дорожившие судьбами отечества умные люди с горечью и изумлением спрашивали друг друга: неужели подобными «реформациями» новый государь всерьез намерен выиграть следующую войну?

Нашлись близкие к самодержцу люди, которые не только поддерживали решения императора относительно военных реформ. Желание любой ценой выслужиться, обратить на себя монаршее внимание порождало порой самые дикие, не поддающиеся никакому разумному анализу идеи, каковые предлагалось считать «подсказками». В основном эти «подсказки» касались экономики.

На армии старались экономить во всем и по всем статьям! При этом изменение самого характера войн на рубеже веков не учитывалось. А ведь они становились глобальными, все больше зависели от военно-экономического состояния страны. Информация о слабых и силь-

ных сторонах предполагаемого противника, его мобилизационных возможностях и научно-технических разработках, новинках в области тактики и стратегии приобретала особую ценность.

«Именно в этот исторический период русской разведке и начать бы превращаться в самостоятельный вид государственной деятельности», – досадливо думал Архипов. Огромные финансовые средства, нынче раздробленные, стали бы аккумулироваться и планомерно, по мере степени нужности, уходить на добывание государственных секретов и тайн, на проведение тайных операций влияния и подрыва, на защиту наших военных и экономических интересов!

Отечественные аналитики поражаются иной раз суммам, затрачиваемым европейскими соседями на разведывательную деятельность. Поражались и признавали: никто не выкидывает деньги даром. Раз тратят – значит, готовятся. Торят тропинки... Россия, естественно, отставала и здесь...

Полковник протянул руку и взял с подлокотника кресла заранее приготовленный Кузьмой, досконально знающим привычки своего хозяина, бокал с коньяком. Сделал глоток, поставил бокал на место и снова перенесся мыслями к недавно обсуждавшимся в его «кружке» проблемам.

Он искренне не понимал, почему иные его соратники видят главного врага и соперника России в Бисмарке. Безусловно, другом России его назвать было никак нельзя! Именно в России канцлер усматривал главное препятствие для германского превосходства в Европе. Именно России Бисмарк стремился вредить всегда и везде, втягивая ее в конфликты с Англией и Турцией. Он был слишком умен, чтобы «пакостить» своими руками, – понимал, какая сила таится в русском народе.

Нельзя было сбрасывать со счетов и опасность, которую принесли бы обоим странам в случае войны внутренние враги – революционеры всех мастей. Вот уж кто непременно попытался бы половить «рыбку в мутной воде»!

Иное дело, что Германия стала истинным военным учителем других народов. Той же Японии, к примеру. Германия строила для нее военные корабли, консультировала производство оружия, налаживала разведку. Германия и Австро-Венгрия не только учили, *как именно* следует добывать чужие секреты, но и *щедро делились* с Японией добытыми в России секретами военного и экономического свойств!

Полковник был уверен: мудрый и хитрый Бисмарк сделает все возможное, чтобы удержать Германию от прямой конфронтации с Россией. А вот столкнуть ее с другой державой, попытаться ослабить ненавистную Россию «на перспективу» – вот это было вполне в духе немецкого канцлера.

Не нужно было быть великим стратегом, чтобы «вычислить» ближайшего военного противника России, вздохнул Архипов. Он был готов заключить пари на что угодно: этим противником станет именно Япония! Ведь на разведку в России и сопредельных государствах Страна восходящего солнца тратила баснословные по сравнению с нашими средства – по 2 миллиона рублей ежегодно!

Возможно, его, полковника Главного штаба Архипова, назовут паникером и сумасшедшим, но прежде пусть доказательно объяснят, с какой целью всю Сибирь, Центральную Россию и саму Северную столицу заволокли тысячи и десятки тысяч японских цирюльников, прачек, докторов, содержателей гостиниц и борделей?

Не все, разумеется, разделяли тревогу полковника относительно готового к прыжку «хищника с Востока». Уж на что болезненно подозрителен директор Департамента полиции Зволянский, но и тот расхохотался, когда Архипов впервые поделился с ним своими опасениями.

– Андрей Андреевич, помните, что утверждают наши агенты в Японии, в том числе и сын нынешнего военного министра Ванновский-младший? По его мнению, пройдет не один

десяток лет, прежде чем японская армия будет хотя бы сопоставима с любой европейской! Там больше бравады, нежели реального умения воевать!

– Пусть так! – не уступал Архипов. – Но вы же не можете не знать и другого! И Ванновский-младший, и его предшественник, просто-напросто сбежавший со своего поста, признают, что японцы, пользуясь незнанием нашими агентами их языка, показывают русским военным атташе лишь то, что хотят показать! Как можно произвести разведку в стране, не зная ее языка? И почему так много японцев стало в Петербурге?

– Бросьте, господин полковник! – отмахивался Зволянский. – Вы пользуетесь сомнительными источниками информации, которые просто-напросто путают японцев с китайцами! Не могу спорить: азиатов в Северной столице за последние годы стало больше. Но это же китайцы, дружище! У меня есть отчеты на основе материалов подведомственных мне жандармских органов. Так вот, скажу вам по секрету: японских шпионов в Петербурге не более полутысячи!¹⁵ Разве это много? И потом: что эти макаки могут передать на свою родину? Количество сорочек, в том числе и твоих, стираемых ежедневно? Ха-ха!

– А сколько у вас, ваше превосходительство, жандармов и сыщиков, знающих японский язык?

– Ну, тут с вами не поспоришь: знаете, куда бить, полковник! – чуть сдвинул брови Зволянский. – Знаете ведь: ни одного!

– Предлагаю пари – своего рода эксперимент! Ставлю ящик вашего любимого арманьяка против ведра шустовского, что японцев в Северной столице гораздо больше, нежели показывают в отчетах ваши жандармы.

– Вот как? Арманьяк? Это очень интересно, Андрей Андреич! И как же мы с вами узнаем истину?

– Очень просто! – пожал плечами полковник. – Вы организуете тотальную проверку всех этих псевдокитайских прачечных, борделей, гостиниц и частнопрактикующих докторов. А я договариваюсь с профессором Поповым из университета, который поучаствует в данной проверке. Надеюсь, вы помните, ваше превосходительство, что профессор прекрасно знает не только японский язык, но и несколько китайских диалектов? И что фальшивыми косами его не проведешь!

– А почему бы и нет? Как я подозреваю, Андрей Андреич, с профессором вы уже стоворились? Интересно, а что вы посулили ему в качестве компенсации за потраченное время?

Зволянский принял пари, организовал тотальную проверку проживающих в Петербурге «китайцев». Нечего и говорить, что четыре пятых зарегистрированных в Северной столице «китайцев», как выяснил в ходе их опроса дотошный профессор Попов, действительно не знали ни одного китайского диалекта. И оказались, таким образом, японцами, а в небольшом количестве – корейцами, из числа тех же японских агентов.

Зволянский признал свое поражение. Затруднился он с ответами и на многие «японские» вопросы.

Почему, например, как доносят русские резиденты из Токио, нынче всем японцам, достигшим призывного возраста, предлагают любыми путями добывать российскую прописку? А те призывники, которые смогли ее получить, получают освобождение от воинской службы и... «растворяются» на необъятных русских просторах? Почему японские школьники разучивают на занятиях песни откровенно антирусского содержания?

И таких вопросов была масса!

...Покинув гостей под предлогом отдачи неких распоряжений, полковник схитрил. Ему было необходимо обдумать неожиданно пришедшую в голову мысль. Поминутно извиняясь и прижимая правую ладонь к груди, он укрылся за высоченными книжными стеллажами и уже

¹⁵ Данными по этому вопросу, добытыми оперативным путем, Россия не располагает до сей поры.

оттуда перебрался в Малую библиотеку, где в глубоком уютном кресле принялся обдумывать сложившуюся ситуацию.

Как ни покажется странным, но одним из главных оппонентов создания в стране единого и действенного контрразведывательного органа был сам Александр III, коего в Европе недаром называли царем-мироотворцем: за все время его царствования Россия ни разу не оцетинивалась штыками и даже не принимала участия в более-менее серьезных военных конфликтах.

На престол Александр III вступил в непростое время, когда в мире начались первые революционные волнения. Император-мироотворец, опасаясь подобного внутри страны, тянул, сколько мог, даже с обрядом собственной коронации. В своей политике он придерживался взглядов, что власть должна быть только самодержавной. Именно поэтому им был отвергнут в числе прочего и рассматривавшийся погибшим отцом проект конституции. Всех несогласных с самодержавной политикой Александр III без долгих размышлений отправлял в отставку.

Однако, будучи довольно жестким по отношению к своим близким, император многое делал для простого люда: в частности, были снижены выкупные платежи, был создан Крестьянский банк, который мог помочь в приобретении участков земли. Были ликвидированы многие бреши в вопросах трудовой защиты: под строгий контроль были взяты работа детей и ночные смены для женщин – с сокращением часов их работы.

Для того чтобы порядок в стране был повсеместным, Александр III ввел должности земских начальников. Подверглось реформе и образование: многие учреждения были закрыты, в оставшихся – введена жесткая дисциплина. Над революционной деятельностью в стране был установлен жесткий контроль. Правда, время было упущено, и «джинн революции» уже вырвался из бутылки.

«...У каждой палки есть два конца, – с горечью думал Архипов. – Убежденность царя в том, что так мирно и благостно будет всегда, заставит Россию жестоко расплачиваться за монаршие иллюзии. Да еще и этот Витте...»

Полковник Главного штаба Архипов был ярким приверженцем создания в России контршпионского ведомства. Руководители европейских спецслужб, раздраженные его активной деятельностью, посредством внедренных агентов «стравили» полковника с амбициозным Витте.

Операцию начали издали. Александру III в нескольких королевских дворах Европы пожаловались на пресловутую «Священную дружину»¹⁶, автором и вдохновителем которой считал себя Витте¹⁷. «Дружина» за несколько месяцев сумела довольно «громко наследить» в Европе. Витте, ожидавший от трона Романовых совсем другой оценки своей ура-патриотической деятельности, был уязвлен монаршим окриком и последующей директивой о ликвидации «Дружины». С государем Витте спорить, разумеется, не стал – тем более что делал в то время стремительную карьеру. В конце 1882 года он был назначен министром финансов, и вот тут-то ему на стол легла сфабрикованная докладная записка, из которой «неопровержимо» следовало, что весь этот европейский шум насчет патриотической деятельности «Дружины» поднят благодаря доносам и докладным полковника Архипова.

Ни самодержец, ни Витте, ни Архипов так до конца жизни и не узнали, что Европе по большому счету не было до пресловутой «Дружины» никакого дела.

Ну убивают русские своих царей – и Бог с ними! Подкладывают бомбы, стреляют – это, в конце концов, чисто русские дела.

¹⁶ Дворянская конспиративная организация, созданная по инициативе С. Ю. Витте для охраны государя-императора и борьбы с революционерами их же методами.

¹⁷ На самом деле, возмущенный убийством императора Александра II, С. Ю. Витте написал своему дяде, генералу Р. А. Фадееву весьма сумбурное письмо, был вызван из Киева в Петербург к министру двора и уделов графу И. И. Воронцову-Дашкову и флигель-адъютанту графу П. П. Шувалову, которому и дал клятву на Евангелии в верности новому обществу.

И когда «ура-патриот» Витте стал у финансового руля России, следовало поссорить его с полковником и его командой. Причем Сергей Юльевич обиделся не на государя, а на «фискала» Архипова. Это был первым из вбитых клиньев!

Дело в том, что карьере Сергея Юльевича Витте едва не помешал второй, последовавший после смерти первой жены, брак. Новая избранница, Матильда Липасевич (в девичестве Нурок), оказалась не только еврейкой, но вдобавок еще и разведенной.

Новая супруга, несмотря на более чем солидные взносы, перечисленные Витте в благотворительные фонды под патронажем великих княгинь (обычно это снимало все вопросы!), и, несмотря на все усилия и немалый авторитет финансового гения Витте, так и не была принята при дворе. Ну не любил наш монарх евреев – и все тут!

Поначалу Витте старался не обращать внимания на едкие эпиграммы и замаскированные насмешки придворной камарильи, добросовестно передаваемые ему «доброжелателями». Старался – до тех пор, пока «неизвестные доброжелатели» не довели до его сведения, что автор большинства эпиграмм и злых стишков опять-таки... полковник Архипов!

Такое простить уже было нельзя – даже с учетом того обстоятельства, что Витте был не только высочайше назначен министром финансов империи, но и получил одновременно чин действительного статского советника и стал почетным членом императорской Академии наук.

Полномочия нового министра финансов были необычайно широки и включали, помимо всего прочего, продолжение военной реформы, начатой еще при Александре II. Не утомляя читателя подробностями, суть этой реформы можно охарактеризовать весьма кратко: строжайшая экономия. А паче чаяния – в мирное время.

А тут – нате вам! Какой-то полковник из Главного штаба военного ведомства – «ябедник» и «рифмоплет» – печется о создании новой структуры для борьбы со шпионством! Структуры заведомо дорогостоящей, и к тому же совершенно излишней в мирное время! Раздражение амбициозного Витте, не признающего иных авторитетов в финансовых делах, кроме собственного, было вовремя и умело подогрето нашептыванием ближнего окружения, приписывавшего авторство очередной эпиграммы по адресу рвущихся к русскому трону «дочерей Израилевых» полковнику Архипову.

Такого Сергей Юльевич терпеть не пожелал и, получив очередную верноподданническую реляцию Архипова о необходимости неотложной борьбы со шпионством на государственном уровне, вызвал полковника к себе.

Обрадованный вызовом, Архипов (наконец-то заметили в верхах грозящую России опасность!) явился к Витте с целой охапкой бумаг, подтверждающих его опасения относительно засилья иностранной агентуры в столице.

– Милостивый государь, я пригласил вас не для того, чтобы выслушивать ваши измышления о вредности для отчизны лиц немецкого происхождения! – Витте, не предложив посетителю сесть, встал сам, опираясь на обширный стол костяшками сжатых в кулаки пальцев. – Как истинный патриот, я раз и навсегда запрещаю вам смущать государя мнимыми угрозами, якобы подстерегающими Россию в «коварной Европе»!

Архипов был растерян: одно дело – выслушивать внушение от непосредственного воинского начальства, и совсем другое – от статского министра. Правда, именно от Витте во многом зависело финансирование армии. И полковник сдержался:

– Но, ваше высокопревосходительство, я располагаю неопровержимыми свидетельствами, что в русских сейфах беззастенчиво орудуют английские, прусские и австрийские шпионы! Это не только оскорбительно для нашей отчизны, но и наносит ей непоправимый военный и экономический ущерб!

– Немцы и прочие европейцы издавна селились на берегах Невы, милостивый государь! Позволю напомнить вам – еще с ведома и по приглашению царя Петра! Селились и своими техническими достижениями премного продвинули Россию, поставив ее в один ряд с цивили-

зованной Европой! Впрочем, я не уверен, что русское офицерство в достаточном мере осведомлено об этом.

– А штаб-ротмистр Мясоедов¹⁸, ваше высокопревосходительство? Что вы скажете о Мясоедове?

– Фи, милостивый государь! В хорошем стаде, как говорится, не без паршивой овцы! Чья «паршивость», кстати говоря, пока никем не доказана!

Вежливо улыбнувшись, Архипов безошибочно выудил из кипы принесенных папок несколько отмеченных зелеными корешками.

– Хорошее стадо, ваше высокопревосходительство? А как вы расцените ежемесячную «дотацию» в одну тысячу рублей, получаемую из австрийского посольства газетой «Вечерний голос»? За эти деньги несколько газетчиков вступили в сговор со скупщиками макулатуры и рассылали по определенным адресам черновики делопроизводства – по большей части с грифом «Весьма секретно». У них на содержании были букинисты, которые покупали после смерти крупных военных чинов ненужные их наследникам «скучные библиотеки». Между прочим, среди этой якобы «макулатуры» нередко попадались секретнейшие издания Главного управления Генерального штаба! Неужели ваше высокопревосходительство никогда не слышало о скандале с директором Сестрорецкого оружейного завода генерал-майором Дмитриевым-Бойцуровым? Он совершил крупную растрату, и представьте, ему тут же, «совершенно случайно», на пути попался один из опытейших вербовщиков Германского генерального штаба, охотно и на особых условиях ссудивший нужную для покрытия сумму! Позвольте спросить, чем, интересно, Бойцуров будет рассчитывать с немцами?

Умерьте свой пыл, господин полковник! – недовольно поморщился Витте. – У меня не слишком много времени – государственные дела, знаете ли! Я не могу себе позволить, в отличие от нашего генералитета, столь бурно фантазировать! Буду краток: уже не в первый раз, милостивый государь, вы и ваши приспешники подаете государю докладные записки о необходимости создания сверхсекретной организации по борьбе со шпионством в России, каковая должна иметь постоянный штат и, соответственно, постоянный источник финансирования. И немалый, господин полковник! Цифра содержания подобной организации, помноженная на число военных округов в России, способна свести «на нет» все мои усилия по укреплению рубля. Усилия, заметьте, получившие всемерное одобрение со стороны его величества! Вы предлагаете мне заняться этим вместе с вами?!

Архипов давно уже понял, что конструктивного разговора со всесильным министром финансов не будет, и едва удержался от язвительного замечания относительно статьи расходов царского семейства по безудержной закупке предметов искусства, всячески поощряемой финансовым министерством. Тратились на это, разумеется, кабинетские деньги, однако при дворе ходили слухи о регулярном пополнении личных кошельков Александра III и его супруги за счет казны.

Конечно, придворный этикет и церемониал при последнем императоре стали гораздо проще. Царь сократил штат министерства двора, уменьшил число слуг и ввел строгий надзор за расходованием денег. Дошло до того, что дорогие заграничные вина на царском столе даже во время официальных приемов заменялись крымскими и кавказскими, а число балов ограничилось четырьмя в год.

Вместе с тем на приобретение предметов искусства тратились поистине чудовищные деньги. Будучи еще наследником, в молодости царь обучался рисованию у профессоров живописи, а позже продолжил рисовать вместе с супругой Марией Федоровной под руководством

¹⁸ По некоторым источникам, жандармский штаб-ротмистр Мясоедов был осведомителем германской разведки. Несмотря на то что расследование о его причастности к германскому шпионажу вели три независимых серьезных органа, выявить компрометирующие данные так и не удалось. Пойман с поличным Мясоедов был в 1912 году, однако его шпионская деятельность началась много раньше, в упоминаемое Архиповым время.

академика А. П. Боголюбова. После восшествия на престол Александр III из-за загруженности делами оставил занятия художествами, сохранив, однако, на всю жизнь любовь к искусству.

Да бог бы с государевым пристрастием и к его собственной, весьма посредственной, по оценке современников, «мазне»! Однако император стал страстным коллекционером, уступая в этом отношении разве что Екатерине II. Гатчинский замок, в котором практически постоянно проживал император, превратился буквально в склад бесценных сокровищ. Предметы искусства уже не помещались в галереях Зимнего, Аничкова и других дворцов. Причем зачастую они закупались без оценки авторитетных экспертов и являлись, откровенно говоря, малохудожественной дрянью.

Как ни горько это сознавать, размышлял Архипов, стараясь не поднимать глаза на внушительную фигуру всесильного министра финансов, но пара полотен иностранных живописцев или итальянских скульптур вполне могли бы решить начальные хлопоты по созданию контрразведывательной организации в России.

– Давайте присядем, – вдруг миролюбиво предложил министр. – Давайте присядем и вместе подумаем, стоит ли предлагаемая вами *затея* стольких сломанных вокруг нее копий? Скажите-ка по совести, Андрей Андреевич, нужна ли России проводимая вот уже около двух десятков лет военная реформа?

– Безусловно! – тотчас же согласился Архипов.

– И вы наверняка согласитесь, друг мой, что меры по реорганизации армии позволили существенно снизить расходы на ее содержание в мирное время?

Архипов мысленно усмехнулся: он сразу понял, куда клонит Витте.

– Поймите, Андрей Андреевич, я целиком и полностью согласен с вами относительно необходимости борьбы со шпионством! Но почему бы не создать такую организацию по примеру военного ополчения? Чем оно плохо, милостивый государь? И зачем, скажите на милость, нам постоянно держать «под ружьем» сотни и, возможно, даже тысячи людей – в мирное-то время, а? Начнется война – не дай бог, конечно! – Витте набожно перекрестился. – Начнется война – вот тут вашему контрразведывательному «ополчению» и раздолье! Ловите! Сажайте, расстреливайте...

– Вы охотник, ваше высокопревосходительство? – неожиданно спросил Архипов, уже начавший укладывать на диване рядом с собой принесенные, но оказавшиеся ненужными документы.

– Да так, знаете ли, от случая к случаю, – не учуял поначалу ловушки Витте. – Не люблю, признаться, я этого дела... Мокнешь, мерзнешь – а куда деваться прикажете, ежели получил высочайшее приглашение?¹⁹

– Рискну предположить, ваше высокопревосходительство, – Архипов встал, почтительно поклонился и направился к дверям. – Рискну предположить, что ваши личные трофеи во время подобных «ополченческих» охот оставляют желать лучшего. Не так ли? Не зная ни особенностей местности, ни повадок зверя и его привычек, трудно рассчитывать на какой-либо успех. Ну, на царской-то охоте егеря, допустим, помогут – подскажут, где логово зверя, направят его в нужное место, добьют, в случае чего... Ну а нам-то, российским патриотам, где таких егерей взять? Коли и сами охотиться не умеем, и навыками не владеем. Нешто из-за границы приглашать?

Сергей Юльевич Витте, будучи опытным царедворцем, умел держать удар. Моментально поняв, что попался, он вынужденно рассмеялся, провел гребнем по пушистым бакенбардам и кивнул Архипову:

¹⁹ Александр увлекался охотой и рыбалкой. Часто летом царская семья уезжала в финские шхеры. Любимым местом охоты императора была Беловежская пуца. Иногда императорская семья вместо отдыха в шхерах уезжала в Польшу, в Ловичское княжество, и там с азартом предавалась охотничьим забавам, особенно охоте на оленей. Обычно в охотничьих забавах царя по его личному приглашению принимали участие и его ближайшие министры, чем немало гордились.

– А я, милостивый государь, давно уже заметил ваш острый язычок! И в прозе отличаетесь им, и в поэзии... Не опасаетесь постоянно держать во рту такое опасное и острое оружие, Андрей Андреевич? Надо бы с Ванновским на эту тему поговорить.

Последний, слава богу, оказался слишком умен для того, чтобы бездумно выполнить подсказку всемогущего министра финансов и перевести Архипова в какой-нибудь дальний военный округ, подальше от Северной столицы. Поняв после разговора с государем, что Витте свою мысль об удалении из столицы строптивного полковника не оставит, военный министр Ванновский, не желая оставаться без ближнего единомышленника, предложил Архипову почетную отставку. В тот момент это был, пожалуй, единственный выход.

Так и родились со временем архиповские «четверги», на которых приверженцы идеи создания контрразведки обменивались планами, мыслями, поддерживали в себе боевой дух и надежду на скорые перемены.

Имея кое-какое состояние, самостоятельно отставной полковник подобные еженедельные сборища, тем не менее не потянул бы. К тому же массу финансовых средств отвлекало его увлечение древней механикой, да и содержание особняка, прислуги и необходимых в его ремесле помощников обходилось в «копеечку». И сами «четверги» – с приглашением модных оркестров, хорошим шампанским из французских погребов (это уже в пику скуповатому государю, даже иностранных посланников потчевавшего «астраханским кваском») и наймом временной прислуги из лучших ресторанов – в одиночку все это было бы для полковника-отставника просто неподъемным.

Именно поэтому «заговорщики», посоветовавшись и, невзирая на яростное сопротивление полковника, устроили что-то вроде постоянной складчины: на одной из полок в библиотеке Архипова была водружена объемистая шкатулка, и гости всякий раз пополняли ее пачками казначейских билетов. Чеки, поначалу предложенные кем-то из «контрразведчиков», были по зрелому размышлению отвергнуты: не приведи господи, пойдут слухи о настоящем заговоре – тогда уже отсылкой в дальние гарнизоны и округа не отделаешься!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Покинув временно дом Архипова, начальник Департамента полиции отправился не к себе на Фонтанку 16, а велел ехать на Гороховую, в Охранное отделение. У подъезда Зволянский распорядился свою персональную карету отправить в особняк господина Архипова, а для дальнейших передвижений приготовить «разгонную», можно без конного конвоя: отставной начальник исполнительной полиции Иван Осипович Велио жил совсем неподалеку.

В вестибюле, сбросив плащ на руки ночному сторожу, Зволянский по-молодому взбежал на третий этаж, бесшумно прошагал по темно-красному ковру и рывком открыл дверь присутствия Вельбицкого. То ли адъютант, то ли делопроизводитель начальника в расстегнутом мундире в поте лица трудился между пошатывающимися пирамидами папок. При виде директора Департамента, ничуть не удивившись его позднему визиту, он поднялся, успев застегнуть большинство крючков на мундире.

– У себя? – не дав ему рта раскрыть, мотнул головой Зволянский на дверь кабинета Вельбицкого и, не дожидаясь ответа, распорядился, проходя мимо: – Два стакана чаю покрепче, да мне рюмку очищенной, распорядитесь уж...

– Желаю здравствовать, ваше превосходительство! – как на пружинах подскочил Вельбицкий.

– Трудисься все? – поинтересовался Зволянский. – А в «Мариинке», между прочим, сегодня премьера! Весь свет там нынче, говорят...

– Не весь, выходит, коли и вы, Сергей Эрастович, пренебрегли, – позволил себе пошутить Вельбицкий.

– У нас с тобой другие спектакли, насмотримся, – неопределенно пообещал директор, ловко перехватывая подстаканник из рук делопроизводителя. – А рюмку на стол поставь! И не уходи пока, погоди... Это у нас с Константином Эдуардовичем вроде приза будет! Ну-с, Константин Эдуардович, что у нас нынче срочного на ближайшую недельку запланировано?

Вельбицкого было трудно заставить врасплох. Почти не заглядывая в записи, он скороговоркой перечислил наиболее срочные дела. Зволянский еле заметно кивал и, наконец, поднял руку:

– Достаточно. Первые пять дел, почти завершенных, можно пока отложить. Ты запиши-ка пока, Константин Эдуардович: вот эти людишки меня в первую очередь интересуют! – Зволянский бросил на стол Вельбицкого четвертушку бумаги с коротким перечнем фамилий. – И пусть твои орлы очень аккуратно – слышишь, аккуратно! – обратят внимание на стесненные обстоятельства этих человечков, коли таковые имели место год-два-три назад. Ну, долги, скажем, серьезные – и вдруг с неба наследство свалилось, либо выигрыш по заемному билету. Или, скажем... В общем, меня интересуют реальные обстоятельства, могущие способствовать вербовке иностранной агентурой. Понимаешь, о чем я?

– Не первый год замужем, понимаем-с! – позволил себе легкую ухмылку Вельбицкий. – Что-нибудь еще?

– А в первую очередь меня интересует отставной ротмистр Терентьев.

– Помощник господина полковника Архипова? – впервые позволил себе удивиться Вельбицкий. – Его бывший адъютант? Который, чтобы не расставаться с командиром, в отставку вслед за ним подался?!

– Вот именно, вот именно, милостивый государь! Это жены декабристов вслед за своими любимыми в Сибирь рвались, а тут? У него что – болезнь какая-то тайная есть? Прекрасное происхождение, перспективы службы в Главном штабе – лучше не придумаешь! Блестящие реляции – и вдруг отставка! Ну, будь полковник Архипов сам больным, немощным, ухода бы постоянного требовал – тоже было бы понятно! Воевал бы с ним, шинелькой одной укрывались

– так нет же! Так что ты покопай, покопай, Константин Эдуардович! В полку его прежнем – в первую очередь! Только осторожненько!

– Действительно, странно, – нахмурился Вельбицкий, жирно подчеркивая имя Терентьева в ежедневнике. – Что-нибудь еще, ваше превосходительство?

– Пока все. Хотя нет! За кем у нас Полли-Полячек числится? За Евдокимовым? Евдокимова и всю его команду ко мне завтра к восьми утра! И поглядим тогда, что день грядущий нам покажет! – Директор с сожалением поглядел на запотевшую рюмку очищенной, встал, помял поясницу. – Ивану Осипычу Велио²⁰ протелефонируй, пока я еду к нему – не дай бог, уже спать завалился! Старички – они такие...

– Не извольте беспокоиться, – снова усмехнулся Вельбицкий. – По имеющимся данным, Иван Осипович почивать ложится не ранее одного часа пополуночи, а до той поры истязает своего дворецкого игрою в шахматы. Зато и спит потом до обеда... А команду Евдокимова с «Астории» в это время снимать никак нельзя-с! Не приведи господи, заметит немчик подмену в персонале – а сколько трудов положено, пока внедряли-с! Сами извольте пожаловать в гостиницу, коли нужда неотложная! Я, грешник, завсегда свеженькое предписание санитарной службы для таких экстренных случаев держу-с.

– И все-то ты знаешь! И все-то ты держишь! – удивился Зволянский. – Ну ладно, с нынешним жульем понятно – это твоя работа, которую всяк хорошо знать должен. А старик-отставник Велио? Он-то по какой причине к тебе на заметку попал, а?

– По правде сказать, старик одно время «желтобилетницами» увлекался, – не стал скрывать Вельбицкий. – Он же вдовец! Как стемнеет – старец наш, аки тать в ночи, с дворецким своим караулил на своем углу «девочек». Один-то побаивался поздно на улицу выходить... Да ничего особенного, ваше превосходительство, – заторопился Вельбицкий. – Не будучи способен физиологически, так сказать, соответствовать, в баньку девочек водил, мыться просил, да за мытьем и наблюдал-с. А потом часто платить отказывался: плохо-де мылись курвы... Ну, те в крик, естественно. Жалобы пошли-с. Пришлось старичку аккуратное внушеньице сделать.

– Твой приз! Пей! – велел, смеясь, директор. – Удивил, ничего не скажешь! А санитарное твое предписание, ежели что, подозрений в гостинице не вызовет?

– Бороденку наклеим-с, очки синие дадим, фартучек беленький... Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство!

* * *

– Да нет, Иван Осипович, никакой беды не стряслось – вот, мимо проезжал, гляжу – окна светятся в знакомом этаже. Дай, думаю, заеду – может, не спит старый товарищ! Вдруг рюмку коньяку нальет новомодного, шустовского. Впрочем, у меня к вам, Иван Осипович, и вопросец имеется! Вы ж, как народ говорит, за мемуары взялись...

Старик, поначалу встревоженный неожиданным визитом, успокоился до того, что велел дворецкому подлить в лохань горячей воды – на ночь глядячи выводил старец вечные мозоли. А шахматная доска, как и предсказывал Вельбицкий, стояла поперек грязноватого пледа, прикрывающего тощие колени.

– Мемуары – это да, Сергей Эрастович. Вот вымрет наше поколение, аки мамонты в стародавние времена, – кому вспомнить-то старое? Да-с... А вот с шустовским у меня беда, гостюшка дорогой. Племянник днями заходил, да все и вылакал, ирод!

– Вот беда так беда! – хохотнул Зволянский. Умел он, не подавая виду, примечать даже самые легкие телодвижения собеседника. И по тому, как непередаваемо сыграл старик-дворецкий бровями, сразу смекнул – что за племянник тут был. – Вот беда так беда! Сбегай-ка,

²⁰ Тайный советник И. О. Велио в 1866 году был назначен начальником исполнительной полиции.

как там тебя, человеке, к кучеру моему – я, как нарочно, велел ему про запас бутыленцию купить. Вот и пригодится запасец-то, а, Иван Осипович?

Когда невольная суета, возникшая в связи с переносом старца к круглому столу посреди залы, улеглась, собеседники взялись за рюмки.

– Ну-с, нас со встречей нечаянной, а вам, вам, Иван Осипович, во здравие! – Зволянский, чокнувшись и чуть поморщившись, пригубил коньяк из нечистой рюмки.

Старик с удовольствием, хоть и закашлявшись, выпил, бросил в рот порезанное на кусочки сморщенное яблоко, долго гонял его беззубыми деснами, наконец проглотил и вдруг поглядел на гостя совсем не старческими, мутными, а ясными, с хитринкой глазами.

– Партейку в древнюю индийскую игру не желаете? – заранее зная ответ, спросил он. И, дождавшись отрицательного жеста, жестко закончил: – Тогда кайтесь, Сергей Эрастович, чего это ради вы меня в ночь-полночь посетили? Чего ради коньяком дорогушим поите, и чего от меня, убогого, ожидаете? И не надо, бога ради, про мемуары мои никчемные поминать. Мы ж с вами профессионалы, Сергей Эрастович. Только вы-то нынешний, а я в тираж вышедший, так сказать. Но, как видно, потребовался старый Велио, а?

– Потребовался, – мгновенно перестроился директор. – Очень нам ваша память понадобилась нынче, а паче чаяния – записи и старые вырезки из газет, кои вы как зеницу ока храните!

Старик тоже преобразился, даже морщины на ссохшемся лице словно разгладились.

– Что ж... Готов помочь и слушаю вас.

– Нужен мне офицерик один, – медленно, подбирая слова, начал Зволянский. – Исчез он осенью 1874 года. 20 лет не было о нем ни слуху ни духу – и вдруг объявился. Под чужим именем просидел все эти годы в монастыре в Южной Польше, в Ченстохове. Объявился калеккой – с отрубленной левой рукой. Нужен, очень нужен он мне, Иван Осипович, – но не знаю, могу ли ему доверять? А дело серьезное, поверьте.

– Семен, подай-ка мне папку за указанный господином год, из крайнего шкапа! – распорядился Велио. – Непростую задачку вы мне задали, ваше превосходительство! Знаете ли вы, к примеру, что только в одном Петербурге расквартировано около ста тысяч военнослужащих из разных полков и батальонов? Что ежегодно, только по приблизительным данным – ну что тут поделывать, не любят армейские полицейских! – из этих полков и батальонов исчезает почти треть солдат и офицеров? Где ж тут вашего беглого сыскать, Сергей Эрастович? Ежели, к примеру, поздней осенью или зимой пропадают в Петербурге людишки – так их весной только можно сыскать, когда лед ломается. Всплывают, прости мя господи! А всплывают-то в голом виде, раздетые до нитки – где ж тут офицера от мазурика отличить? Полиция всех таких чохом записывает в пострадавшие в пьяном виде от утопления... Не-е, Сергей Эрастович, не по адресу пришли. За коньячок, конечно, благодарствую, но помочь...

– погоди ты, дослушай, Иван Осипович! Сию статистику я и без тебя знаю! Не совсем так дело было! Поехал наш офицер в Европу, будем считать – в командировку служебную. Дело было, как уже поминалось, осенью 1874 года. А на обратном пути случилась у него стычка с неким иностранцем. Иностранец погиб, а наш офицер руки левой лишился. Поскольку иностранец был важной дипломатической персоной, то пропавшего офицера объявили во всероссийский розыск. Исключили из списков батальона, лишили воинского звания и вообще собирались под трибунал отдать. А ему, можно сказать, повезло: попал он в руки знающего хирурга из Варшавы, да еще со знакомствами в Ченстоховском монастыре, чей госпиталь и поныне славится. В общем, спрятали его там монахи на два десятка лет. Отсиделся там, да вот нынче и объявился...

– погодите, ваше превосходительство, совсем я, видать, старый стал. Кого ж вы искать изволите, коли и так все про вашего «монте-кристо» знаете? – Старик нацепил на нос очки в тонкой стальной оправе, нашел в папке нужную закладку и принялся перелистывать хрустя-

щие страницы. Часть их он безжалостно выдергивал, складывал отдельной стопкой. Буквально через несколько минут работа была закончена.

Старик перетасовал часть бумаг, выровнял их стопочкой и с поклоном передал директору Департамента:

– Извольте, ваше превосходительство. Все, как есть – в хронологической последовательности разложено.

– Ну, а на словах? Коротко ежели? – Зволянский уже разливал коньяк.

– На словах? В июне месяце 1874 года объявился в Санкт-Петербурге чрезвычайный и полномочный посол Японии, господин Эномото, с сопровождающими его, как и положено, лицами. По принятии верительных грамот к послу был выказан чрезвычайный монарший интерес. Балы в его честь, приемы – ну, в газетах все подробно описывается. Еще пишут о необычайной приязни, возникшей между господином Эномото и прапорщиком лейб-гвардии саперного батальона Михаилом Бергом, – старик хихикнул. – Ежели не в Зимнем посол пребывал, стало быть, с другом-гвардейцем Северную столицу изучал-с. Переговоры по Сахалину шли с японским послом ни шатко ни валко – не могу подробностей знать, ваше превосходительство, – может, так оно и положено. Только вот осенью одно из сопровождающих господина посла лиц засобиралось экстренно в Европу. И Берг отчего-то за ним помчался. А на обратном пути, уже в границах Российской империи, случилась между господином Бергом и японским господином Асикагой ссора. Да такая, что стороны решились, не дожидаясь прибытия в российскую столицу, драться...

Велио выкушал свою рюмку, пососал яблоко и продолжил:

– Это уже частично не из газет, ваше превосходительство, как вы понимаете. Найденный хладный труп японца и исчезновение Берга вызвали сильнейший государев гнев. Прапорщик был исключен из списков батальона, вслед за этим Япония представила России ноту протеста. Однако высочайшее указание о розыске Берга осталось без последствий, тот как сквозь землю провалился и, несмотря на все усилия полицейских и жандармских сил, найден так и не был. Не был найден и доктор, оказавший смертельно раненому прапорщику помощь и увезший его с места событий на паровозе в Варшаву...

Старик перелистал несколько пожелтевших листов, пояснил:

– Это донесения агентов наружного наблюдения и почтовых служащих. Были ориентированы на тот случай, ежели раненый Берг вступил бы в переписку с невестой, дочерью тайного советника Белецкого. Ничего особенного в этих донесениях нету, ежели не принимать во внимание одно ма-а-аленькое обстоятельство, – Велио снова захихикал. – Будучи православного вероисповедания, семейство Белецких регулярно посещало храмовые праздники и воскресные службы в ближайшем от места жительства соборе. Но вот чудо-чудное: один из агентов, молодой совсем, обратил внимание на то, что неутешная невеста ставит свечи за упокой жениха своего, а ее батюшка – во здравие. Ну, тайный советник – человек занятой, на важных делах сосредоточен. Мог по рассеянности разок-другой попутать... Агенту было приказано наблюдение некоторое время продолжать, но потом оно как-то на нет сошло...

– А почему, Иван Осипович? – Зволянский налил по третьей.

– Потому как в России изволим жить, господин Зволянский! – вздохнул Велио. – Переговоры с Японией закончились, скандала более не намечалось, у батюшки-царя новые заботы появились. Вижу из рапортов, что обратили со временем полицейские службы внимание, что зачастил японский посол в Ченстохов, в монастырь. Произвели деликатную проверку и доложили, поди, государю, что ездит туда японец к la Famn одной. На этом все следствие и кончилось.

– Да-да, в России, оно конечно, – пробормотал Зволянский. – Где ж теперь концы-то искать? Белецкий – товарищ министра железных дорог нынче. Стало быть, человек Витте.

Дочка его, поди, давно замуж выскочила, детишек растит. Родители Берга вполне помереть могли, посол японский на родину к себе уехал... Впрочем, и на этом спасибо, Иван Осипович!

Как ни терпелось директору полицейского Департамента вернуться к Архипову и похвататься молниеносным, по сути, успехом, однако не получилось. Распрошавшись со старичком Велио и спустившись к ожидавшей его карете, Зволянский был тут же встречен курьером на взмыленной лошади, посланным за ним вслед. Откозыряв, есаул вручил директору пакет, отправленный вслед начальству Вельбицким.

В пакете Зволянский обнаружил срочную, с государевым гербом, телеграмму из Ливадии.

Сердце екнуло: неужели?..

Пробежал глазами короткий текст наклеенных вкривь и вкось кусочков ленты. Нет, слава богу, жив государь. Жив – но вызывает пред свои очи...

– Значит так, братец, – обратился директор к курьеру. – Скажи-ка к особняку господина Архипова – знаешь адрес? Вот и молодец! Скажи хозяину – только не пугай, не ори на весь дом – потихоньку скажи, что так, мол, и так. Господин директор получил срочную депешу, и долг службы призывает его немедленно исполнить данное ему поручение. И вот что, братец: повернись-ка спиной, записку господину полковнику напишу!

* * *

Вернувшись к себе в Департамент, на Фонтанку, Зволянский, расстегнув крючки мундира, устроился в громадном служебном кресле. Это кресло досталось ему от предшественника, человека гренадерского роста, и поначалу едва не отправилось в кладовую: могли счесть, что новому начальству невместно выглядеть перед подчиненными подобно мальчишке, забравшемуся на отцовский стул. Однако со временем Сергей Эрастович оценил глубину и упругий уют кресла и выносить его запретил. В нем хорошо думалось, ну а если возникала надобность поработать пером, то на сей случай под левой тумбой стола была припрятана широкая доска – подставка, обитая тканью, – как раз по ширине чудовищного кресла.

Нынче Зволянскому требовалось принять окончательное решение: либо идти до конца с выбранной им партией сторонников контрразведки, либо, собственного бережения ради, тихо, деликатно и, главное, вовремя отойти в сторону.

Обычно директор приезжал на службу около 7 часов утра, однако нередко, как вот и нынче, оставался работать на всю ночь. День обещал быть хлопотным – впрочем, иных в последнее время и не бывало.

Помощники уже приготовили на обширном столе две внушительные кипы документов, которые следовало прочесть, осмыслить и проанализировать или, по крайней мере, вдумчиво проглядеть, чтобы отложились в памяти. Ну а тут вся ночь впереди – успеть разобрать можно было с гарантией.

Вздохнув, Зволянский невольно позавидовал феноменальной памяти Агасфера: ему бы хоть четверть этакого божьего дара – куда как было бы полезно при его-то службе!

Приняв из рук сторожа традиционный стакан чаю с изрядной добавкой рома, директор сделал пару глотков. Дело по расшифровке лежало верхним. В папке имелись свежайшие, еще пахнущие и пачкающие типографской краской «Ведомости» с очередной заметкой зловерного Полли-Полячека. В номер помощник поместил еще пачечку бумаг – выявленные-таки Зыбиным секретные «междустрочья», краткое пояснение к способу шифровки и «исходник» – та же самая статья Полли-Полячека в рукописном, первоизданном виде, с пометками, сделанными карандашом и чернилами. «Исходник» удалось добыть из урны в номере газетчика, хоть и неполный.

Пояснения Зыбина, гения криптоанализа, Зволянский читать не стал, чтобы мозги набекрень не свернулись: расшифровал – и молодец! За то тебе и наградные положены.

Содержание заметки было хоть и кратким, но довольно емким:

Кораблестроение. Фактический монополист в деле изготовления и установки на военные суда – немецкий концерн с русским названием «Русское АО Сименс-Шуккерт». Некто Р. руководил установкой электрооборудования и средств связи на кораблях по всей Балтике. Именно по его требованию каждая такая установка нуждалась в предъявлении подробных чертежей всех военных кораблей (вот мерзавец!). В статье содержался краткий анализ и детальный отчет обо всех заказах за последние четыре месяца.

«Общество Путиловских заводов» по Уставу – полномочный представитель немецкого оружейного концерна «Крупп» (ну, об этом, положим, мы знаем!). А вот информация о новинках русской корабельной артиллерии, добытая неким Б., которая в ближайшее время должна была отправиться в Берлин с агентом «Гертрудой» в виде подробных чертежей – это было уже интересней! Упоминалась и сумма вознаграждения – «обычная», 6 тыс. рублей.

Резидент, скромно обозначенный в секретной части публикации буквой «Л», сомнений не вызывал – ну кому еще им быть, как не советником германского посольства Гельмутом фон Люциусом!

Зволянский, покосившись на подшивку «Ведомостей», придавившую отдельный столик в левой части кабинета, площадно выругался: сколько же подобных секретов благополучно, практически открыто и нахально ушло в Германию за последние годы!

Позвонив колокольчиком, директор спросил себе второй стакан чаю, раскурил сигару и продолжил работу с документами, не переставая размышлять о первой папке и ее героях.

Собственно, в таланте Зыбина он не сомневался. Агенты тоже оказались на высоте: сумели добыть не только почти полный «исходник» газетной статьи, но и перечень книг из номера Люциуса, которые могли служить ключами к кодам шифров. Зыбин подтвердил, что одна из книг действительно была использована для шифровки. И, что представлялось директору самым ценным, участники операции не «нашумели» при этом! Значит, велик шанс, что немцы не всполошатся, не сменят коды, и Петербург по-прежнему будет в курсе того, что и откуда «сливается». А это уже немало!

Перечень информации, укрытой в статье Полли-Полячека, позволит аккуратно навести нужные справки – откуда немецкая агентура черпает нужные ей сведения. Дело это, разумеется, не быстрое – но тут поможет сам характер информации. Относительно той же электротехники и средств связи для кораблей – наверняка (слава русской бюрократии!) существует список групп допуска к тем или иным секретным материалам. Вот и «пошерстить» осторожноенько электротехников. А там, глядишь, и таинственный «мистер Р.» всплывет! То же самое касательно и «мистера Б.» – очень может быть, что буквы указывают на имена агентов!

Сложнее с «Гертрудой»: тут надо бы посоветоваться и с Заварзиным, и с Архиповым. Не столь давно в одном из рапортов упоминалось о предателе, начавшем торговать секретами отчизны ради некой взбалмошной красавицы – то ли жены, то ли любовницы.

Однако имя женщины было незнакомым. Кстати говоря, в разведке давно стало общепринятым ради маскировки именовать агентов вымышленными именами, инициалами и даже давать агентам-мужчинам имена женские. И наоборот, женщинам – мужские. Черт бы побрал эту разведку вместе с контрразведкой и их спецификой! Где их взять, специалистов по этой части?! Ну не на порученца же из присутствия возлагать поиски петербургской Гертруды, или этих «Бэ» и «ЭР»!

Филеры для наружного наблюдения неопенимы. Кому мордасы начистить – тоже долго искать не надобно. А вот языков, почитай, никто и не знает, кроме матерного. Господи, почему же ты, Расеюшка, невезучая-то такая? Критиков и ниспровергателей – пруд пруди, из бом-

бистов батальоны сформировать можно. Доносчиков и шептунов – хоть делись с кем, а вот разведчиков-профессионалов, тех, кто способен иностранным шпионам противостоять – кот наплакал! Ну не ему же, директору Департамента полиции, лично воевать с ними!

Вошедшему с озабоченной физиономией и новой порцией бумаг порученцу директор велел немедленно протелефонировать Архипову, напомнить, чтобы ждал к завтраку. Ну разве что припозднится немного – так ведь служба, служба прежде. А уж «пустячки» – потом!

Приблизительно год назад директор Департамента получил из «заслуживающих доверие источников» информацию о существовании в Главном штабе группы «инакомыслящих». Все, вроде, было ясно: опять «окопались» возле трона злыдни с планами ниспровержения, или бог еще знает чего – мало ли социалистов всех мастей развелось нынче. От сопливых недоучек-гимназистов до вполне солидных с виду людей. Хотя этим-то, при хороших должностях, при чинах, наградах и эполетах – им-то, господи, чего еще от жизни не хватает?!

Донос на «инакомыслящих» потребовал всего-то двух дней проверки и выявил полную абсурдность обвинений, выдвинутых против уважаемых в обществе людей. С ними даже профилактическая беседа, по разумению директора, не требовалась – как это обычно практиковалось. Скорее уж, наоборот: кое-какие документки из числа «программных» вызвали у Зволянского целый ряд вопросов. В общем, в очередной «четверг», захватив супругу с «выводком» дочерей, он без приглашения нагрянул к Архипову с визитом.

Думал, чего уж там, тихую панику его неожиданный визит вызовет. Не вызвал – будто давно поджидали директора Департамента «заговорщики». Наверняка поджидали! И переглянулись они весьма многозначительно, а тонкий слух директора уловил еле слышное: «Я ж тебе говорил – придет!»

Зволянский даже охнул мысленно: заманили! Сами, поди, донос и написали на себя... Обошли, обошли, стратеги! Ну что ж, раз заманили – и поговорим!

Разговор, правда, получился нелегким. И покричать друг на друга пришлось, и поспорить, «пошвырять» друг в друга статистическими данными – из открытых и закрытых источников.

Ехал к Архипову Зволянский с твердым намерением объяснить «заговорщикам», что главе полицейской службы империи и без иностранных шпионов дел невпроворот. Зарубежные охранные отделения создавать приходится для борьбы с внутренней социалистической заразой. А вы, господа, как дети малые – в «сыщиков-разбойников» играть изволите! Под ногами путаетесь...

Но вышло совсем наоборот: Ванновский и Архипов с «бумажными» аргументами в руках довольно скоро сумели «завербовать» директора полицейского Департамента, покладистостью характера и умением дать себя переубедить в том, в чем уверен, никогда не отличавшегося. Чтобы «не сдаваться» сразу, Зволянский (больше из принципиальных соображений, конечно!) выговорил условия сотрудничества. Вы мне не мешаете, я – вам!

Не успел нынче «разгрести» и половину накопившихся бумаг, как в кабинете возник порученец-адъютант. Хотел было на него Зволянский рыкнуть, да уж больно физиономия у порученца испуганной была.

– Чего у тебя? – буркнул директор Департамента. – Что опять стряслось?

– Начальник вокзала телефонирует. Спрашивает: к которому часу прикажете литерный экспресс подавать? Телеграмма-то под грифом «Срочная»...

Из Ливадии все срочное нынче! – вздохнул Зволянский. Он, разумеется, знал, что государь несколько дней назад отправился в Ливадию прямо с охоты, которую он позволил себе из-за оптимистичного диагноза профессора Захарьина, одного из лучших терапевтов России. Император не очень верил врачебным диагнозам – тем более диагнозам докторов еврейского происхождения. А тот, вызванный из Москвы, выходит, подыграл: ничего, мол, серьезного,

но желательно на некоторое время сменить здешний гнилой климат на что-нибудь потеплее и посуше.

Обрадованный временным улучшением самочувствия, Александр III объявил семье и всем соратникам по охоте свою волю: так и быть, из «гнилых мест» уедем, да только не в Крым. В Беловежье желаю!

Самодержец пожелал – все и поехали! Александр был весел, подшучивал над егерями и близкими. Обещал угостить вместо пахнущих болотом и рыбой уток зайчатиной, свежениной оленей и косуль...

Однако перемена климата привела к ухудшению самочувствия самодержца. Неукоснительно соблюдая все правила охоты, он, как и все, вставал ни свет ни заря, часами сидел в скрадках на куропаток и зайцев, мерз у разведенных в поле костров и даже самолично мыл в холодной воде своего коня-тяжеловоза. Результат не замедлил сказаться: в Беловежье был срочно вызван профессор Лейден из Германии.

Что он сказал по поводу диагноза своего московского коллеги – история умалчивает, только прямо в день визита немецкого диагноста, определившего нефрит, царский кортеж, как мог быстро, двинулся на юг. 21 сентября яхта «Орел» перевезла самодержца из Севастополя в Ливадию. Правда, было, наверное, уже поздно: в довершение к нефриту государь сильно простудился и день и ночь надсадно кашлял.

– Так как прикажете, ваше превосходительство? – кашлянул порученец. – К семи часам? К восьми?

Зволянский побарабанил пальцами по столу, глянул на часы – раньше чем завтра днем в Ливадию не попадешь – и велел порученцу приготовить персональный салон-вагон и мощный локомотив к двум часам пополудни.

– И не смотри на меня так, а лучше давай еще стакан чаю! Бумаг-то сколько натаскал!.. Ладно, что не успею до отъезда отработать – пусть Заварзин решения принимает. Когда в Петербург вернусь, сам, братец, не ведаю, – заключил директор и снова углубился в изучение бумаг.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Задумавшись, Архипов не сразу обратил внимание на тихий короткий скрип кожаного кресла по соседству: там устраивался поудобнее Куропаткин, его давний боевой товарищ. Если бы Архипова попросили составить список наиболее доверенных лиц, Алексей Николаевич Куропаткин, безусловно, занял бы там почетное первое место.

Оба родились в семье мелкопоместных дворян, у одного отец – капитан, у другого – майор в отставке. Оба воспитывались в 1-м кадетском корпусе, а в 1864 году, сговорившись, поступили в 1-е военное Павловское училище, которое и закончили в 1866 году. Назначения, правда, после окончания получили разные. Куропаткин был произведен в поручики в 1-й Туркестанский стрелковый батальон и практически сразу попал на театр военных действий. Воевал против бухарцев, участвовал в штурме Самаркандских высот. Военная карьера Архипова, хотя он тоже успел основательно нюхнуть пороху, дала небольшой сбой. Будучи тяжело ранен в одном из боев, он почти 8 месяцев провалялся в госпиталях и уже в 1869 году с завистью читал письма товарища о том, что тот назначен ротным командиром, а в августе 1870 года за отличие по службе досрочно получил штабс-капитана.

В 1871 году Куропаткин поступил в Николаевскую академию Генштаба, которую закончил в 1874 году, и был отправлен в научную командировку в Германию, Францию и Алжир. Находясь в Алжире, участвовал во французской экспедиции в Сахару. Зная страсть старого друга к путешествиям, Алексей Николаевич добился включения в состав экспедиции и Архипова. Потом их пути снова разошлись: возвратившись в Россию в конце 1875 года, Куропаткин был экстренно переведен в Генеральный штаб, где годом спустя... снова встретился с Архиповым. Впрочем, ненадолго: вскоре Куропаткин получил назначение в штаб Туркестанского военного округа, а Архипов, как ни старался, так и не смог вырваться из порядком надоевшего ему Петербурга.

Архипов ревниво следил за карьерой друга, часто получал от него короткие письма из Кокандского похода. И уже из газет узнал, что при взятии Уч-Кургана Алексей Николаевич первым ворвался в крепость, командуя всего полуротой охотников и сотней казаков, за что был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

В начале 1877 года Куропаткин недолгое время был прикомандирован к Главному штабу, а в июле 1877 был назначен обер-офицером для поручений при его императорском величестве.

Потом было назначение заведующим Азиатской частью главного штаба, командующим Туркестанской стрелковой бригадой. В Ахал-Текинской экспедиции он уже начальник авангарда Кульджинского отряда, потом начальник Туркестанского отряда. Совершив тяжелый 18-дневный переход в 500 верст через пустыню, он присоединился к войскам генерала Скобелева, действовавшим против Геок-Тепе. При штурме этой крепости 12 января 1881 года Куропаткин, командуя главной штурмовой колонной, ворвался по минному обвалу в крепость, положив основание полной победе русских войск. За это он был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени, а чуть позже произведен в генерал-майоры.

В 1890 году Архипов поздравил друга с производством в генерал-лейтенанты и тут же проводил в Закаспийскую область, откуда Куропаткина с маловразумительной формулировкой неожиданно отозвали в Северную столицу, по которой поползли слухи о его скором назначении военным министром.

Архипов был единственным человеком, с которым Алексей Николаевич Куропаткин был совершенно откровенен. В том числе и относительно перспектив своего назначения. Он хорошо помнил пророческие слова «белого генерала»: «Помни, ты очень хорош на вторые роли. И упаси тебя боже взять когда-нибудь на себя роль главного начальника! Тебе не хватает ни решимости, ни силы воли!»

Эта оценка Скобелева²¹, данная Куропаткину как будто бы с глазу на глаз, вскоре перестала быть тайной и облетела весь Петербург. Пожалуй, Куропаткин был единственным человеком, не досадовавшим на столь неллицеприятную оценку старого товарища. Свои решения, включая военные, он всегда тщательно обдумывал, прикидывал все за и против, позволяя себе лишь в кругу самых близких друзей беспомощно разводить руками: ну такой я человек! Таким сделала меня Природа, и здесь бессильны и насмешки, и понукания.

Между тем скорое и вполне очевидное назначение военным министром не могло не беспокоить Алексея Николаевича. Одно дело – высокий военный пост, пусть и командармовский. И совсем другое – военный министр, отвечающий за судьбу империи. Министру потомки не простят того, что могли бы простить любому генералу.

– Андрей, а ведь мне и отказаться никак невозможно, – вздохнул Куропаткин, машинально поигрывая попавшейся под руку безделушкой – изящной поделкой слоновой кости, внутри которой был «втиснут» еще один слон, поменьше.

Архипов бросил на друга взгляд, полный сочувствия. Он знал, что сейчас любые слова, сказанные им, пролетят мимо сознания товарища, не будут им восприняты.

– Давно хочу у тебя про этого твоего нового помощника поподробнее порасспросить, Андрей Андреевич. Что за Агасфер такой? – решил сменить тему генерал-лейтенант. – Мы же вроде договаривались, Андрей, что лишние люди нам в твоём доме не нужны... Германцы с австрияками спят и видят, как бы своего человечка к тебе сюда посадить. Вот и Зволянский что-то насчет него подозревает...

– Да нет, тут другое, Алексей Николаевич, – покачал головой Архипов и вкратце рассказал о появлении у него в доме Агасфера, о его инвалидности и об удивительных способностях и о рекомендации аббата Девэ – несколько странной, конечно, но заслуживающей полного доверия.

– Полякам я вообще не слишком доверяю, – буркнул Куропаткин. – Но аббат, конечно, на особом положении. Ладно, поглядим на твоего Агасфера... Говоришь, какие-то необыкновенные способности он выказал едва ли не в первый день своего появления в Петербурге?

– Совершенно верно, Алексей Николаевич! Я отправил его с Терентьевым прогуляться, чтобы к людям заново начал привыкать. И вот по возвращении из города Терентьев доложил мне об удивительной памяти Агасфера, способного с ходу запоминать огромные тексты...

– Любопытно, любопытно! А куда, ежели не военная тайна, Зволянский нынче исчез, Андрей Андреевич?

– Сам не ведаю, – вздохнул Архипов. – Обещался вернуться через полтора-два часа, а вместо себя казачка прислал с запискою. Неотложные дела-с! Просит только самым убедительнейшим образом за стол без него завтра не садиться. Уезжает днем куда-то, хочет что-то важное сказать. Вас, Алексей Николаич, упоминал. Почтите своим присутствием, надеюсь? Не откажетесь?

– А куда мы с этой лодки, дружище? – вздохнул Куропаткин. – Вы в семь завтракаете? Подойду-с.

²¹ Генерал-адъютант М. Д. Скобелев, герой среднеазиатских побед России, прозванный в народе «белым генералом», был необычайно популярен. Долгое время А. Н. Куропаткин воевал под его началом (был начальником штаба). Скобелев никогда не стеснялся в выражениях и мог сказать правду в лицо любому собеседнику, включая монарха. Таинственная и скоростная смерть «белого генерала» породила множество слухов, догадок и версий – от «заговора Бисмарка» до тайного приказа Александра III, который, по слухам, очень боялся популярности Скобелева в народе и верил в его «заговор» против своей особы. Тайна эта не разгадана до сих пор.

* * *

Проснулся Агасфер около семи утра. Умывшись и одевшись, он несколько раз с удивлением поглядел на часы: обычно в это время дворецкий Кузьма оповещал о завтраке. Но нынче ставшего уже привычным шарканья ног и скрипа паркетин не было слышно – никак дают выпасться будущему герою сегодняшнего дня? – усмехнулся он про себя.

Шарканье раздалось лишь в половине восьмого. Однако и тут не обошлось без новшеств: Кузьма предупредил, что завтрак нынче будет подан позднее, поскольку ожидается прибытие господина директора Департамента полиции. Он-де просил непременно его дожидаться.

– Я в мастерских тогда, если что, – предупредил дворецкого Агасфер и пошел разыскивать «золотых дел мастера на все руки», как иногда именовал Архипов старого слесаря Тимофея.

– Выброшенный из путиловских цехов по причине преклонного возраста и частого увлечения горячительным, Тимофей был действительно незаменимым помощником Архипова. Под его корявыми, с изломанными ногтями пальцами оживали и крохотные детали старых игрушек, и многопудовые станки, начинавшие время от времени капризничать.

Поначалу Тимофей приходил в мастерские Архипова лишь по субботам – чтоб не лишиться работы в цеху и будущего пенсионера. Однако, получив «полную отставку» от заводских дел, попросился к Архипову на постоянный «постой».

– Дом у тебя агромадный, мастерские большие. Мне много-то и не надо – позволь, Андрей Андреич, где-нибудь поближе к кузне, к теплу обосноваться. И мне хорошо, и тебе по кабакам меня разыскивать по срочной нужде не придется. Обьешь я тебя навряд ли смогу, а два полуштофа²² в неделю – нешто обеднеешь?

На том и ударили по рукам: Архипов хорошо знал привычки старого слесаря и пьяного буйства не опасался. Не согласился он только со скудными «пищевыми запросами» работника, поставил его, выражаясь военным языком, на пищевое довольствие и положил старику денежную оплату, и выдал ему серенькую книжечку сберегательной кассы, которой тот чрезвычайно гордился.

Когда в архиповском доме появился Агасфер, Тимофей немедленно взял что-то вроде шефства над его протезами. Работу монахов он в целом одобрил, но посулил сделать такой протез, какой и на выставку не стыдно выставить будет.

Старика отчего-то коробило имя молодого «подшефного». Слыша его, он всякий раз хмурился, а если полагал, что никто не видит, так и торопливо крестился. И по прозвищу он его упорно не звал – обходился уклончивыми окликаками «Эй, молодой», или «Молодой-красивый!», а то и просто: «Барин!»

Тимофея Агасфер нашел там, где и предполагал – в крошечной ювелирке, где исполнялась самая мелкая и ответственная работа. Под потолком сияли две сильные лампы, на верстаке были закреплены крошечные тиски, а над ними – огромная настольная лупа на шарнире. Пыхтя и тихо матерясь, старик, зажмурив один глаз, делал что-то настолько мелкое, что с двух шагов и не различить было.

– Ти-ха! – рявкнул Тимофей, не оборачиваясь и еще не видя, кто вошел. – Не дыши, человек! Ежели оно, проклятое, опять из зажима вырвется, у меня терпения не хватит снова два часа гнездить его, так раз-так-перетак! Молчи себе в углу, пока не зашиб!

Агасфер, как ему было велено, тихонько опустился на лавку в углу и замер.

Посопев еще несколько минут, Тимофей бережно отнял руки от тисочков, внимательно взгляделся в свою поделку и удовлетворенно выматерился:

²² Полуштоф – старинная русская водочная мера, равная 0,6–0,7 л.

– От-так-то! Я ж сколько раз Андреичу твердил, что соединю крылышки, а ен одно только и бормочет, – Тимофей передразнил: – «Площадь соприкосновения недостаточна, дурило старое!»»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.